

На правах рукописи

МУРАШОВА Евгения Анатольевна

ВЕРБАЛЬНАЯ ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

(на уровне прагматических компонентов контекстного значения)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика (филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

доктора филологических наук

Майкоп – 2023

Работа выполнена в Таганрогском институте имени А.П. Чехова (филиале)
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Научный консультант: **Поленова Галина Тихоновна,**
доктор филологических наук, профессор

**Официальные
оппоненты:** **Катермина Вероника Викторовна,**
доктор филологических наук, профессор,
кафедра английской филологии ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет»,
профессор;

Колмогорова Анастасия Владимировна,
доктор филологических наук, профессор,
департамент филологии Санкт-Петербургского
филиала ФГАОУ ВО Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики», профессор;

Острикова Галина Николаевна,
доктор филологических наук, доцент,
кафедра «Интегративная и цифровая
лингвистика» ФГБОУ ВО «Донской
государственный технический университет»,
профессор

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
университет» (г. Воронеж)

Защита состоится «15» марта 2024 г. в 10.00 часов на заседании
диссертационного совета 24.2.267.03 по филологическим наукам при ФГБОУ ВО
«Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика
Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке
им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по
адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260 и на сайте
университета: <https://adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/5741/>

Автореферат разослан «___» _____ 202... г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Е.А. Богданова

Общая характеристика работы

Исследование вербальной объективизации субъективной информации является одной из онтологически значимых **проблем** современной антропоцентрически ориентированной научной парадигмы. Системное изучение этой проблемы предусматривает вовлечение в исследовательское поле широкого спектра лингвистических и экстралингвистических параметров актуализации и функционирования прагматически валентных единиц, представляющих индивидуально и конвенционально маркированное позиционирование субъекта-отправителя относительно различных фрагментов отображаемой им объективной реальности.

Разработка данных параметров соответствует общей тенденции новейших теоретико-методологических изысканий, стремящихся к систематизации накопленных в отдельных отраслях лингвистического знания сведений, обновлению лингвистической парадигмы в целом и переосмыслению центральных категорий теории языка и его прикладному и сравнительно-сопоставительному исследованию в частности.

Степень разработанности проблемы. Со времён античности до наших дней различные вопросы вербальной объективизации субъективной информации анализируются в широком диапазоне тех областей научного знания, в центре интересов которых находится человек и его разнохарактерные взаимоотношения с миром объективной реальности: в философии [Аристотель 2000, Витгенштейн 2009, Карнап 2000, Платон 2006, Стросон 1982, Brandom 2000, Russell 2005], в психологии [Выготский 2020, Леонтьев 2020, Лурия 2019, Bühler 1990], в социологии [Blumer 1969, Mead 1992], в языкознании, а также в широком спектре смежных дисциплин: в философии языка [Кацнельсон 2001, 2011; Патнэм 1982, Frege 2011, Kripke 2014, Saussure 2019], в теории речевых актов [Austin 2014, Grice 1991, Searle 1982, 2003], в прагматике [Bublitz 2009, Ehlich 2014, Habermas 1995, Morris 2010, Peirce 2020], в семиотике [Лотман 1978, Степанов 1998, Barthes 1993], в психолингвистике [Белянин 2004, Леонтьев 1983, Стернин 2006, 2010], в когнитивной лингвистике [Кибрик 2003 а, Попова 2003, Lakoff 2018, Fillmore 1978, 1982], в социолингвистике [Лисовский, Евстафьев 2000], в теории дискурса [Дейк 2015, Карасик 2004, Lavrie 2007], в семантике [Алефиренко 2005, Апресян 1995, Вежбицкая 1985, 1996, Кобозева 2000, 2014; Лайонз 2003, Никитин 2007, Падучева 1996, 2004, 2008; Селиверстова 2004, Щерба 2008, Busse 1987, 2009; Krifka 2002, 2007; Schwarz 2007], в грамматике текста [Гальперин 2016, Москальская 1981], в функциональной [Бондарко 1998, 2002] и в исторической грамматике [Поленова 2011], в лингвистической прагматике [Арутюнова 1988, 2007, Матвеева 1984, 1999; Bublitz 2009, Ernst 2010, Liedthke 1995] и т.д. Это происходит в рамках собственных измерений данных научных областей и с выделением соответствующих доминант, но неизбежно с учётом тесной генетической связи с проблемой объективизации информации вообще, осуществляемой с помощью

языковой или речевой единицы, т.е. фактически с проблемой вербализации значения.

В историческом контексте исследование вербальной объективизации информации попеременно концентрируется на конвенциональной [Аристотель 2000, Платон 2006, Locke 2017], на индивидуальной [Витгенштейн 2009, Locke 2017, Peirce 2020], на контекстной [Витгенштейн 2009, Austin 2014, Frege 2011], на ментальной [Кацнельсон 2001, 2011, Лурия 2019] и – с середины XX века – на субъектно маркированной (прагматической) [Кобозева 2000, 2014; Никитин 2007, Падучева 1996, 2004, 2008; Патнэм 1982, Селиверстова 2004, Ernst 2010, Frege 2011, Liedthke 1995, Schwarz 2007, Searle 1982, 2003 и др.] составляющих значения.

С конца XX века отдельные аспекты проблемы раскрываются в прагматических и лингвопрагматических исследованиях. В результате переосмысления индивидуально и конвенционально обусловленных особенностей объективизации субъективной информации происходит дифференциация внутри данных научных направлений, выделяется универсальная прагматика, ориентированная на анализ правил, позволяющих говорящему совершать речевые действия согласно закреплённым в языковой системе алгоритмам [Habermas 1995]; функциональная прагматика, представляющая цели социально обусловленного стереотипного речевого действия [Ehlich 2014]; функциональная прагмалингвистика, в центре интересов которой находится текст и целенаправленный выбор отправителем текста речевых единиц в его составе [Арутюнова 1988, 2007; Ernst 2010, Liedthke 1995]; скрытая прагмалингвистика, анализирующая стереотипный выбор отправителем оптимального варианта речевой единицы для наиболее эффективного воздействия на получателя [Матвеева 1984, 1999].

Многие актуальные вопросы вербальной объективизации субъективной информации переосмысливаются в диссертационных работах последних десятилетий [Бочкарёв 2009, Гусаренко 2009, Катермина 2005, Кибрик 2003, Колмогорова 2006, Крюкова 2004, Мартынова 2016, Острикова 2014, Червоный 2014, Четыркина 2006 и т.д.].

Однако, несмотря на широкий спектр разносторонних и многофункциональных подходов, в современной научной парадигме нерешенными остаются ряд принципиально значимых для раскрытия данного феномена вопросов, в том числе содержание и объём, системные признаки, виды и средства речевой реализации, условия возникновения, особенности функционирования и взаимосвязи компонентов значения, транслирующих субъективную информацию. Этот фактор объясняется, с нашей точки зрения, общей для различных направлений научного знания тенденцией к гиперболизации отдельных ипостасей существования значения и его составляющих и представления их узкоспециального (в интересах соответствующих научных теорий) описания.

На этом фоне разработка новой интегративно-сопоставительной концепции с доминирующим лингвопрагматическим вектором, акцентуирующей антропоцентричность исследуемых лингвистических и

экстралингвистических явлений в их взаимозависимости, видится наиболее **актуальным и перспективным решением** для представления особенностей объективизации субъективной информации в языке и речи.

Актуальность исследования помимо проработки новых путей решения означенных выше вопросов и заполнения соответствующих теоретических лакун, обуславливается также спецификой заявленного материала – казачьими текстами. Интегративно-сопоставительное исследование казачьих текстов как кумулятивной базы, объективизирующей различного рода информацию о культурной и языковой самоидентификации казачьего субэтнуса, должно способствовать формированию новых сведений о казачьей лингвокультуре в целом и речевом поведении отдельных её репрезентантов в частности.

При несомненном многообразии и разносторонности исследований казачьей лингвокультуры, отображающих её коммуникативные, исторические, социальные и философско-антропологические свойства [Бахвалова 2009, Беляева 2010, Блохина 2006, Брысина 2003, Ганин 2006, Григорьева 2010, Ефанова 2001, Захарова 2013, Калинина 2008, Кононова 2007, Костюченкова 2009, Крапивина 2012, Кудряшова 1998, Кульпинов 2010, Лабутина 2007, Лалаева 2007, Мирошникова 2015, Морозова 2016, Ненькина 2012, Ремчуков 2015, Рудиченко 2005, Рунаев 2011, Рыблова 2009, Самовтор 2008, Саркисьян 2009, Сеницына 2010, Стюфляева 2004, Филиппова 2007, Фолимонов 2004, Шкабара 2012, Щуров 1987, Юрченко 2008, Ярешко 2016, Beitz 2009, Meister 1984], комплексное описание особенностей вербальной объективизации субъективной информации отправителями казачьих текстов относится к числу наименее проработанных вопросов. Их решение должно, с одной стороны, способствовать сохранению национальной идентичности казачьего субэтнуса как составляющей единой самобытной российской культуры в условиях гармонизации современного российского общества, с другой стороны, – интегрировать в современную антропоцентрическую научную парадигму новые алгоритмы для решения проблемы изучения речевой экспликации субъекта-отправителя, являющегося частью лингвокультурного сообщества, путём системного описания актуализируемых им речевых средств. Кроме того, нерешённой в современной лингвистике, следовательно, **актуальной** можно считать и проблему развёрнутой интерпретации текстовой реализации прагматически валентных речевых средств различных референциональных статусов, в том числе в качестве средств-индикаторов интерпретации и атрибуции прагматического пространства текста.

Цель исследования – разработка новой интегративно-сопоставительной концепции лингвопрагматического представления способов объективизации субъективной информации в языке и речи с учётом лингвистических и экстралингвистических параметров актуализации прагматических компонентов контекстного значения (далее ПККЗ).

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Выделить трудности и перспективы в изучении проблемы вербальной объективизации субъективной информации на уровне компонентов значения

языковых / речевых единиц и обосновать выбор и основные шаги интегративно-сопоставительной концепции с доминирующим лингвопрагматическим вектором в качестве приоритетного направления исследования.

2. Унифицировать понятие ПККЗ, конкретизировать его системную организацию, отношение к значению языковой / речевой единицы, содержание и основания реализации.

3. Установить доступные для анализа нюансы вербализации субъективной информации, транслируемые актуализированными ПККЗ; соотнести их с одним из видов модальной референции и разработать соответствующую классификацию ПККЗ.

4. По результатам системного описания референциональных практик сформулировать обобщённую модель высказываний, в которых реализуются ПККЗ каждого из выделенных классов.

5. Провести поуровневую классификацию маркеров ПККЗ с указанием частотности их реализации и вычислить показатели прагматической плотности для анализируемых казачьих текстов.

6. Разработать и апробировать алгоритм лингвопрагматической интерпретации прагматического пространства текстов, по итогам которого осуществить развёрнутое толкование ПККЗ.

7. По результатам интерпретации ПККЗ представить усреднённый алгоритм объективизации субъективной информации для текстов казачьей лингвокультуры.

8. Провести расширенный анализ актуализированных в текстах прагматически валентных речевых средств, уточнить их функциональные свойства и иерархию, соотнести данную иерархию с доминантами прагматического пространства текстов, разработать и апробировать алгоритм лингвопрагматической атрибуции с учётом выделенных доминант.

Гипотеза исследования. Объективизация субъективной информации осуществляется с помощью прагматически валентных языковых / речевых единиц (прагматических маркеров) различных уровней: лексических, морфологических, синтаксических и словообразовательных. Интегративно-сопоставительный анализ данных единиц и реализованных с их помощью ПККЗ позволяет представить доминанты вербальной объективизации субъективной информации, формирующие уникальный референционально-прагматический код, как для отдельного текста или его автора, так и для целого корпуса текстов конкретной лингвокультуры.

Объект – вербальная объективизация субъективной информации.

Предмет – прагматические компоненты контекстных значений актуализированных речевых единиц.

Центральный теоретико-методологический базис диссертационного исследования составляют положения, сформулированные в русле лингвистической прагматики [Арутюнова 1988, 2007; Крюкова 2004, Матвеева 1984, 1999; Bublitz 2009, Ernst 2010, Liedthke 1995], прагматики [Ehlich 2014, Habermas 1995, Peirce 2020], семиотики [Лотман 1978, Степанов 1998, Barthes 1993], теории речевых актов [Austin 2014, Grice 1991, Searle 1982, 2003],

теории дискурса [Дейк 2015], семантики [Алефиренко 2005, Апресян 1995, Бочкарёв 2009, Вежбицкая 1985, 1996, Кобозева 2000, 2014; Лайонз 2003, Никитин 2007, Падучева 1996, 2004, 2008; Пименова 2011, Селиверстова 2004, Щерба 2008, Busse 1987, 2009; Krifka 2002, 2007; Schwarz 2007], психолингвистики [Белянин 2004, Леонтьев 1983], когнитивной лингвистики [Гусаренко 2009, Катермина 2004, Кибрик 2003 а, Попова 2003, Lakoff 2018, Fillmore 1978, 1982], философии языка [Патнэм 1982, Demmerling 2002, Frege 2011, Kripke 2014], функциональной [Бондарко 1998, 2002; Демьянков 1994] и исторической грамматики [Поленова 2011] и др.

Методологический базис работы оформлен с учётом диалектических противоречий между действительностью и субъектно-маркированными представлениями о ней отправителя, а также опосредующими их внутренними противоречиями между прагматически валентными единицами.

Для установления особенностей вербальной объективизации субъективной информации в свете их тесной генетической связи с актуализируемыми субъектом ПККЗ в исследовании применены **описательные методы**: наблюдение, сопоставление, обобщение и классификация.

Для идентификации, описания и анализа референциональных оснований актуализации и функционирования ПККЗ использовано сочетание широкого спектра **методов и приёмов лингвистической прагматики**, прежде всего, перлокутивного и объективного прагмалингвистических экспериментов.

Для уточнения системно-парадигматического представления ПККЗ привлечены **методы компонентного и контекстуального анализа**, позволяющие определить и охарактеризовать составляющие значения. В соответствии с положениями компонентного анализа осуществлено парадигматическое представление ПККЗ (и соответствующих им референций) – по примеру семантических полей – как ряда языковых / речевых единиц, имеющих в своём составе общий тематический признак. Например, персональные дейктические маркеры (группа ПККЗ – констативы), объединённые общим признаком (указание на активный / неактивный коммуницирующий субъект), разделены на подгруппы согласно гендерной принадлежности (*балачка, брюнчак*), аксиологическому статусу (*благий, дуролом*), социальному статусу (*гладырь, голутва*) и т.д. В соответствии с принципами контекстуального анализа ПККЗ исследованы системно в широком массиве текстов с привлечением лингвокультурной и исторической информации, зафиксированной в дневниках, воспоминаниях, отмеченной респондентами в ходе опросов.

В работе использованы также **методы и приёмы математической и корпусной лингвистики**, расширяющие за счёт увеличения объёма исследуемого материала, повышения качества и обеспечения верификации результатов проводимых изысканий возможности лингвистической прагматики и других научных направлений, ориентированных на объективизированное представление актуализированных в тексте предпочтений речевого поведения отправителя.

Развёрнутое толкование актуализации ПККЗ осуществлено с помощью авторского интегративного алгоритма лингвопрагматической интерпретации, установление авторства текстов – с помощью разработанного алгоритма лингвопрагматической атрибуции.

В качестве **материала исследования** проанализированы тексты широкого массива казачьей лингвокультуры, объективизированной средствами русского языка.

Выявление и систематизация речевых средств-носителей ПККЗ проведены на материале эпистолярных текстов, написанных казаками и адресованных казакам (писем А.И. Дутова, П.Н. Краснова, А.С. Лукомского и М.А. Шолохова).

Интерпретация индивидуализированных и среднестатистических особенностей представления субъективной информации осуществлена с привлечением персонифицированных и неперсонифицированных художественных текстов с тематикой «письмо казака» (художественных произведений И.Э. Бабеля, И.С. Шмелёва, М.А. Шолохова и казачьих песен).

Индикаторы центральных направляющих, образующих дейктический вектор прагматического поля, проанализированы на материале текстов, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка (<http://ruscorpora.ru>, 2022, 721 215 измерений).

Верифицирующая апробация лингвопрагматической атрибуции осуществлена на материале писем М.А. Шолохова, «Тихого Дона» и «Поднятой Целины» (55 375 измерений).

Уточнение прагматического контекста потребовало также обращения к лексикографическим источникам, дополнительного изучения архивных материалов и консультаций с информантами, позиционирующими себя в качестве представителей казачьей лингвокультуры.

В ходе исследования составлена обширная картотека (около 30 000 текстовых примеров), в которую вошли все зафиксированные прагматически валентные единицы: лексические, морфологические, синтаксические, словообразовательные.

Лексические прагматические маркеры и некоторые их устойчивые сочетания, отмеченные ярко выраженной специфической принадлежностью к казачьей лингвокультуре, вынесены в отдельную публикацию – «Словарь лексических прагматических маркеров» [Мурашова 2016: 483-656].

Проведённое интегративно-сопоставительное исследование позволяет вынести на защиту следующие **положения**:

1. Разработанная система лингвопрагматического представления особенностей объективизации субъективной информации в языке и речи с учётом лингвистических и экстралингвистических параметров актуализации и функционирования ПККЗ является новой интегративно-сопоставительной концепцией, позволяющей установить формирующие уникальный референционально-прагматический код доминанты индивидуально и конвенционально маркированного позиционирования субъекта-отправителя по отношению к различным фрагментам отображаемой им действительности.

2. С позиций данной концепции объективизация субъективной информации в языке и речи рассматривается как выражение индивидуального содержания сознания, личностных ощущений, убеждений, намерений отправителя текста, в вербальной, экстроспективно доступной форме эволюционно связанное с актуализацией и функционированием прагматических (субъектно маркированных) компонентов контекстных значений (ПККЗ), реализованных посредством прагматически валентных речевых единиц. Прагматические компоненты выделяются как составляющие контекстного значения, отличающегося высоким уровнем привязанности к условиям заданной коммуникативной ситуации, и, как следствие, обладающего способностью представлять наряду с объективной и субъективную информацию о фрагментах отображаемой отправителем действительности. Минимальной единицей анализа ПККЗ является актуализированная синтаксическая группа (далее АСГ).

3. Пошаговое изучение нюансов вербализации субъективной информации делает возможным анализ ПККЗ в качестве результата актуализации одного из шести видов модальной референции (субъектно маркированной соотнесённости речевых единиц и фрагментов отображаемой отправителем действительности), выделенных в ходе эксперимента с учётом особенностей прагматических признаков речевой ситуации: 1) дейктической референции, представляющей отношение к факту темпорально-локального позиционирования субъекта (58,25%); 2) оценочной, транслирующей ценностное или вероятностное отношение к отображаемому (14,54%); 3) контактивной, указывающей на отношение к необходимости установления, изменения или прерывания контакта (8,45%); 4) эмотивной, демонстрирующей отношение симпатии или антипатии к описываемому эмоциональному или психическому состоянию (7,42%); 5) регулятивной, проецирующей отношение желательности или нежелательности иницируемого действия (6,33%); 6) квестивной, выражающей отношение к необходимости пополнения наличествующей информации (5,01%).

4. Системное описание референциональных практик доказывает, что каждый из шести видов референций может быть реализован в тексте в высказываниях, соответствующих модели субъект-объектной модальной референции (с имплицитным модусным субъектом, например, *малюжечка лестится*) или модели субъект-субъектной модальной референции (с эксплицитным модусным субъектом, например, *я считаю, малюжечка моя лестится*).

Высказывания, отвечающие модели субъект-объектной модальной референции (65,12%), являются базисом для актуализации конвенционально закреплённых значений. Высказывания, соответствующие модели субъект-субъектной модальной референции (34,88%), являются основанием для актуализации ПККЗ.

5. Исследование текстов казачьей лингвокультуры с целью установления иерархических отношений в системе актуализированных отправителями и зафиксированных экспертами маркеров ПККЗ показывает, что субъективные реакции отправителя на внешние стимулы коммуникативной

ситуации могут быть представлены посредством речевых единиц различных уровней: лексических (48,32%), морфологических (25,13%), синтаксических (19,14%), словообразовательных (7,41%). Маркеры любого уровня могут имплицировать один или несколько генетически связанных видов ПККЗ (пересекаясь в пределах одной АСГ), дополнять друг друга и обеспечивать тем самым высокую прагматическую плотность текстов (средний показатель для исследованных текстов – 1,06).

6. Разработанный подход к интерпретации вербальной объективизации субъективной информации инициирует расширение поля толкования реализованных маркеров ПККЗ (от отдельной АСГ до целостного текста) и обеспечивает выход в широкий лингвокультурный контекст его создания и функционирования. Это позволяет в ходе интерпретации ПККЗ различных классов учитывать особенности коммуникативной ситуации, релевантные для авторизации алгоритмов объективизации субъективной информации конкретным отправителем (см., например, интерпретацию писем А.И. Дутова, М.А. Шолохова и др.) и той части лингвокультуры, к которой этот субъект относится.

7. Согласно среднестатистическим показателям реализации ПККЗ, усреднённый алгоритм объективизации субъективной информации в рамках заданного среза казачьей лингвокультуры может быть представлен следующим образом. Отправитель активно обозначает своё темпорально-локальное позиционирование относительно отображаемой им действительности (констативы – в 58,4% АСГ); регулярно выражает собственное ценностное и / или вероятностное отношение к отображаемому (репрезентативы – в 26,83% АСГ); стремится к изменению конъюнктуры коммуникативного контакта (контактивы – в 11,38% АСГ); инициирует различного рода действия со стороны как получателей, так и себя самого (регулятивы – в 4,83% АСГ); относительно редко эксплицирует нюансы чувственного познания (эмотивы – в 4,1% АСГ) и редко стремится к восполнению недостающей информации (квестивы – в 1,59% АСГ).

8. Расширенный интегративно-сопоставительный анализ актуализации разноуровневых прагматических маркеров позволяет вывести слотовую структуру системы прагматических координат, релевантных для авторизации алгоритмов объективизации субъективной информации, и выделить в этой системе лексические прагматические маркеры как безусловные доминанты прагматического пространства текстов. Экспериментальное уточнение и систематизация прагматически валентных лексических маркеров, с одной стороны, способствуют уточнению их иерархического распределения (репрезентативы – 42,37%, констативы – 33,37%, эмотивы – 13,47%, контактивы – 9,39%, квестивы – 0,81%, регулятивы – 0,59%) и соотнесению его с общими чертами прагматического пространства казачьих текстов (например, с приоритетным представлением субъектом себя как части казачьей общины, частым проявлением контактности, инициативности и т.д.). С другой стороны, они позволяют широко применять авторские алгоритмы лингвопрагматической интерпретации и лингвопрагматической атрибуции.

Теоретическая значимость исследования. Разработанная система лингвопрагматического представления особенностей объективизации субъективной информации в языке и речи вносит вклад в развитие современной антропоцентрической научной парадигмы, углубляя и развивая теоретическую базу исследований в следующих аспектах: язык, речь и речевая деятельность; язык и коммуникация; язык и культура; социальная стратификация и формы существования языка; универсум значений и их проекция на конкретные языки, методы исследования языка; лингвистика и смежные науки: прагма-, социо- и психолингвистика, математическая лингвистика.

Результаты исследования позволяют унифицировать понятие ПККЗ с учётом собственных экспериментальных изысканий; определить место ПККЗ в общей парадигме значения, сопоставить их внутреннюю и внешнюю структуры, провести дифференциацию подтипов; установить и охарактеризовать системные связи между шестью классами ПККЗ и шестью разновидностями субъектно маркированной референции; пошагово представить новую интегративную методику анализа актуализированных высказываний на предмет выявления и описания референциональных оснований ПККЗ; вывести абстрактную модель актуализированных синтаксических групп, в которых реализуются различные классы ПККЗ; провести систематизацию лексических прагматических маркероносителей шести классов ПККЗ; выработать новые способы интерпретации прагматического пространства текста с учётом интенциональной направленности и контекстного окружения актуализации соответствующих маркероносителей в качестве диагностирующих элементов вербальной объективизации субъективной информации; разработать алгоритм лингвопрагматической атрибуции, основанный на исследовании прагматических координат текста.

Полученные конкретные теоретические результаты могут оказать влияние на развитие соответствующих областей антропоцентрической научной парадигмы (лингвистической прагматики, социо- и психолингвистики, межкультурной коммуникации и лингвокультурологии, математической и корпусной лингвистики и т.д.) и способствовать формированию и развитию новых, отсутствовавших до настоящего времени в научной традиции алгоритмов комплексного представления индивидуально и конвенционально обусловленных особенностей речевой экспликации коммуницирующего субъекта.

Научная новизна работы определяется впервые предложенной интегративно-сопоставительной концепцией анализа особенностей объективизации субъективной информации в языке и речи с учётом их тесной эволюционной связи с актуализируемыми отправителем субъектно маркированными компонентами значения прагматически валентных единиц различных уровней.

В представленном исследовании феномен прагматического наполнения языковых / речевых единиц, имеющий гетерогенную референциональную природу, субъектно и конвенционально маркированный, обусловленный пресуппозициями и интенциями отправителя текста и его потенциальных

получателей, впервые разработан **системно** как открытая нелинейная среда, способная к самоорганизации.

Впервые **экспериментально** на уровне различных видов значений и их компонентов выделены сегменты как объективной, так и субъективной информации, вербализующейся средствами языка и речи, проведена их подробная классификация, отдельно установлено и доказано наличие генетических связей между шестью классами прагматических компонентов значений (констативами, репрезентативами, эмотивами, контактивами, регулятивами, квестивами) и шестью разновидностями субъектно маркированных референций (дейктическими, оценочными, эмотивными, контактивными, регулятивными, квестивными).

Впервые использован авторский подход, предусматривающий интегративный анализ субъектно маркированной информации. Подход обеспечивает возможность акцентировать флуктуационную самоорганизацию прагматических компонентов значения с учётом широкого лингвокультурного и исторического контекстов; функционально организовав, редуцировать анализ ПККЗ в применении к заданной текстовой реальности; определить её прагматические доминанты и, ориентируясь на них, вывести индивидуализированный референциально-прагматический код отдельного отправителя или группы отправителей, выделив соответствующие ядерные и периферийные зоны. Это позволяет по-новому представить те аспекты вербального выражения субъективной информации, которые ранее исследовались исключительно в социолингвистическом, лингвокультурологическом и литературоведческом аспектах.

Принципиально новыми в диссертационном исследовании являются: систематизация прагматических маркеров как носителей ПККЗ, представляющих различные аспекты позиционирования отправителя; их поуровневое, содержательное и иерархическое упорядочение; определение доминантных прагматических секторов, формируемых с их помощью; выделение их наиболее и наименее контекстно-зависимых групп, рассмотрение последних в качестве индикаторов, анализ которых обеспечивает возможность расширения объёма информации о способах установления объективных данных, диагностирующих наличие или отсутствие соответствующих характеристикам отправителя параметров исследуемых текстов, и выведение новых шагов автороведческой экспертизы.

Практическая значимость. Выводы и результаты исследования, а также собранный и проанализированный материал могут найти применение в теоретических и практических курсах по общему языкознанию, по лингвистической прагматике, по социо- и психолингвистике, по межкультурной коммуникации и лингвокультурологии, по математической и корпусной лингвистике, а также стать основой для написания выпускных квалификационных и диссертационных работ.

Практическая польза внедрения авторской концепции видится в выведении слотовой структуры системы прагматических координат как результата актуализации объёмной номенклатуры разноуровневых

(словообразовательных, лексических, морфологических и синтаксических) маркеров-носителей ПККЗ, эксплицирующих различные нюансы представления отправителем отношения к отображаемым им фрагментам действительности.

Представляемые выводы и результаты послужат, с одной стороны, обоснованию эффективности исследования текстов и составляющих их единиц как кумулятивной базы индивидуальных и конвенциональных особенностей отправителей, с другой стороны, разработке и верификации универсальных критериев типологизации единиц с прагматической нагрузкой.

Прикладная ценность работы обеспечивается авторскими алгоритмами лингвопрагматической интерпретации и атрибуции текста, применение которых позволяет: уточнить содержательно-смысловое и прагматическое пространство созданного субъектом текста, массива текстов или лингвокультуры, частью которой является субъект, и далее, основываясь на уточнённых данных, провести развёрнутую объективизированную атрибуцию текста.

Степень достоверности и апробация результатов. Методология, промежуточные и конечные результаты научного исследования представлены в 53 публикациях, в том числе в двух монографиях; в шести публикациях в изданиях, индексируемых международными информационно-аналитическими системами (Томск – «Язык и культура» (2014, 2015, WoS), Волгоград – «Вестник ВГУ» (2017, WoS), Лондон – «European Proceedings of Social and Behavioural Sciences» (2020, 2021, WoS), Флоренция – «Amazonia Investiga» (2021, WoS)); в 17 публикациях в изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации (Архангельск, Волгоград, Махачкала, Москва, Нижний Новгород, Санкт-Петербург, Ставрополь, Таганрог, Тамбов, Томск); в 28 публикациях в других научных журналах и сборниках международных и всероссийских научно-практических конференций (Вена, Вологда, Горловка, Дюссельдорф, Елец, Кембридж, Москва, Пенза, Ростов-на-Дону, Саратов, Ставрополь, Таганрог, Уфа).

Обобщения и отчёты теоретического и прикладного характера по сути работы докладывались и обсуждались на кафедре немецкого и французского языков в ТИ им. А.П. Чехова (2001-2023, Таганрог).

Общая логика исследования и **структура** диссертационной работы представлены в соответствии с заявленными целью и задачами. Диссертационное исследование (общим объёмом 343 страницы) состоит из Введения, пяти глав и Заключения. Библиография включает 410 наименований, в том числе Список использованной литературы (373 работы, из них 71 на немецком и английском языках), Список источников иллюстративного материала (25 работ, из них две на немецком языке), Список словарей и энциклопедий (12 работ, из них одна на немецком языке).

Основное содержание

Во **Введении** обосновывается актуальность, излагаются цели и задачи, решаемые в диссертационном исследовании, определяются его объект, предмет,

материал, методы и приёмы, раскрываются теоретическая значимость, научная новизна и практическая ценность, приводятся сведения об апробации промежуточных и конечных результатов.

В первой главе «Теоретические и методологические предпосылки исследования объективизации субъективной информации в языке и речи» рассмотрена проблема статуса изучения вербальной объективизации субъективной информации на уровне компонентов значения языковых / речевых единиц, обоснованы теоретико-методологическая рефлексия проблемы и выбор интегративно-сопоставительной концепции исследования, обозначена специфика проанализированного материала.

В *Разделах 1.1., 1.2. и 1.3.* представлено критическое описание научных теорий, в рамках которых разрабатываются различные аспекты вербальной объективизации субъективной информации (от античности до наших дней); осуществлено обобщение накопленных в этой предметной области знаний; выявлены тенденции в трактовке и классификации, отмечены основные направления в методологии преодоления имеющихся трудностей и в осмыслении возможных перспектив раскрытия рассматриваемого вопроса. В качестве наиболее продуктивной выделена интегративно-сопоставительная концепция исследования с доминирующим лингвопрагматическим вектором, учитывающая результаты предыдущих научных изысканий и предлагающая новые пути решения обозначенных в них проблем.

В *Разделе 1.4.* уточнены предпосылки лингвопрагматической рефлексии проблемы. Отмечены адаптированные лингвистической прагматикой, а также её собственные исследовательские методы и приёмы, наиболее эффективные для изучения вербальной объективизации субъективной информации: 1) метод наблюдения, направленный на фиксирование и последующую интерпретацию речевых поступков, экстраполирующих индивидуально и конвенционально детерминированные характеристики отправителей; 2) метод перевода, обеспечивающий в ходе сопоставления оригинальных и переводных высказываний возможность зафиксировать особенности речевого поведения автора и переводчика текста, которые обусловлены помимо особенностей языковых систем усвоенными ими лингвокультурными традициями, а также индивидуально-личностными особенностями, в том числе уникальным речевым опытом; 3) методы анкетирования и интервьюирования, реализуемые в ходе формирования групп респондентов, отвечающих заранее заданным усреднённым социометрическим параметрам (пол, возраст, основной род деятельности, национальная и локальная принадлежность, уровень образования, индивидуальные наклонности и т.д.), для последующего выявления степени влияния этих параметров на собственное речевое поведение испытуемых или интерпретацию ими речевого поведения других субъектов; 4) методы группировки, моделирования, оценивания неизвестных параметров и проверки статистических гипотез, основные приёмы которых обеспечивают высокий уровень объективизации на стадии сбора, систематизации и анализа речевого материала, а также создают условия для последовательной верификации полученных данных; 5) методы перлокутивного и объективного

прагмалингвистических экспериментов, которые дают возможность фиксации и дальнейшего анализа конвенционально и индивидуально обусловленных стратегий речевого поведения отправителя.

В *Разделе 1.5.* рассмотрена специфика материала реферируемой работы. Представлен обзор исследований, раскрывающих различные параметры казачьей лингвокультуры как неотъемлемой части русской лингвистической культуры. Выделена проблема интерпретации конвенционально и индивидуально маркированных речевых проявлений как источника информации о культурной и языковой самоидентификации казачества. Отмечено отсутствие работ, экстраполирующих вербальное отображение окружающего мира непосредственно носителями казачьей лингвокультуры на их объектно и субъектно маркированный лингвистический и экстралингвистический опыт.

Во второй главе «Интегративно-сопоставительный подход к изучению вербальной объективизации субъективной информации на уровне компонентов значения» предложено решение общелингвистической проблемы изучения объективизации субъективной информации в языке и речи с учётом лингвистических и экстралингвистических параметров актуализации и функционирования субъектно маркированных составляющих значения: обосновано новое, скорректированное, понимание данного феномена, определена структура и типы значения и его компонентов; уточнены особенности функционирования прагматических компонентов контекстного значения, проанализированы их взаимообусловленные и взаимосвязанные свойства и основания актуализации, в том числе интенциональная направленность речевой деятельности отправителя и субъектно маркированная соотносённость речевых единиц и фрагментов отображаемой действительности; обозначены типы данной соотносённости, осуществлена их первичная систематизация.

В *Разделе 2.1.* значение представлено в качестве информации, транслируемой отправителем с помощью разноуровневых единиц языка в условиях потенциальной или заданной коммуникативной ситуации; разграничены доконтекстный (аккумулируемый в толковых и специальных словарях) и контекстный (оформляющийся в результате взаимодействия заданной речевой единицы с другими единицами текстового ряда) варианты его существования. Особое внимание сосредоточено на контекстном варианте существования значения, репрезентирующем себя в качестве ретранслятора индивидуального содержания сознания, личностных ощущений, убеждений и намерений отправителя текста, опосредующем его пресуппозиции и визуализирующем его уникальное отношение к отображаемым фрагментам экстралингвистической и лингвистической реальности.

Доказав, что контекстное значение в силу высокой степени привязанности к условиям коммуникативной ситуации и её составляющим (прежде всего, к отправителю) может наряду с объективной информацией эксплицитировать или имплицитировать субъективную информацию, мы пришли к выводу, что субъективная информация аккумулируется посредством прагматических

компонентов контекстных значений (ПККЗ) актуализированных языковых / речевых единиц.

ПККЗ выступают как элементы контекстного значения речевых единиц, опосредующие интенции отправителя и выражающие его субъективное индивидуально и конвенционально обусловленное позиционирование по отношению к отображаемым фрагментам действительности. Речевые единицы-носители ПККЗ в контексте конкретной коммуникативной ситуации находятся в непосредственном взаимодействии с маркерами, указывающими на отправителя (с именем существительным, называющим пассионарный субъект вербальной интеракции; с личным, притяжательным местоимением или глаголом в форме 1-го лица ед. числа и т.п.). Например, в следующем отрывке анкеты активный коммуницирующий субъект (респондент А.Т. из сл. Родионово-Несветаевская), реализуя имя существительное *казак* (вне сочетания и в сочетании с отрицательной частицей *не*) и однокоренное прилагательное *казачий* (*казак, казачий, не казак*), не только обозначает не желательную для него в данный момент времени родовую принадлежность получателя высказывания (*Микиты*) к казачеству (доконтекстное значение имени существительного *казак*), но и выражает собственное отрицательно окрашенное эмоциональное и аксиологическое отношение к получателю, в том числе к его безответственному поведению:

«Знаешь, что я тебе скажу, *Микита!* Дед твой был **казак**, отец твой – **сын казачий**, а ты – **не казак**, ты, **белиндрыс**, ты – **хвост собачий!** (респондент А.Т.).

Отрицательно окрашенное отношение к получателю вербализуется отправителем лексически (за счёт введения в контекст имени существительного *белиндрыс* – 1. пустослов, 2. выдумщик), также посредством устойчивого сочетания (*хвост собачий*); эмоциональность выражена синтаксически (с помощью двух восклицательных предложений). Специальный маркер – личное местоимение 1-го л. ед. числа в им. падеже (*я*) – актуализируется для указания на активный коммуницирующий субъект (А.Т.). Отправитель вовлекает получателя в ситуацию коммуникации, многократно обращаясь к нему. Получатель обозначается с помощью личного местоимения 2-го л. в дат. падеже (*тебе*); обращения, выраженного именем собственным (*Микита*); притяжательного местоимения 2-го л. в им. падеже (*твой*); личного местоимения 2-го л. в им. падеже (*ты*).

В Разделе 2.2. представлены индивидуально и конвенционально обусловленные субкомпоненты ПККЗ. Индивидуально детерминированные субкомпоненты ПККЗ сообщают информацию о субъективных ценностных ориентациях отправителя, об уникальной системе его морально-этических норм, о его личностных приоритетах, установках, переживаниях, ощущениях и т.д. Конвенционально детерминированные субкомпоненты ПККЗ эксплицируют информацию об усвоенных отправителем эталонах морали; принятых в рамках определённой социальной группы ценностях, установках, приоритетах.

Индивидуально и конвенционально детерминированные субкомпоненты ПККЗ в пределах заданной коммуникативной ситуации авторизуют прагматические составляющие, уточняя уникальные свойства речевого поведения отправителя как отдельной языковой личности и как представителя определённого лингвокультурного сообщества. Например, актуализируя в приведённом выше примере прагматически валентные единицы-носители ПККЗ с конвенционально закреплённым негативным содержанием (*хвост собачий, белиндяс*), отправитель уточняет направление своего оценивания в отношении личности получателя и указывает на качество сообщаемой им информации (получатель – выдумщик, сообщаемая им информация не соответствует действительности).

Учёт привязанности ПККЗ к коммуникативной ситуации и к её составляющим, обуславливающей особенностью субкомпонентов внутренней и внешней структуры ПККЗ, требует новых методов и приёмов анализа.

В *Разделе 2.3.* представлен авторский алгоритм анализа контекстного значения и его прагматических компонентов. По итогам его пилотной реализации составлена тестовая иерархия типов ПККЗ, а также экспериментально доказана возможность выявления и первичной интерпретации ПККЗ членами различных лингвосоциальных образований. Проиллюстрируем ход и результаты реализации данного алгоритма.

В качестве основного материала анализа использованы письма А.И. Дутова, П.Н. Краснова, А.С. Лукомского и М.А. Шолохова. С целью выявления влияния социально обусловленных экстралингвистических факторов (в том числе принадлежности к конкретной языковой группе – русской или немецкой) на возможность интерпретации отдельных ПККЗ центральной группы к анализу были привлечены также переводы данных писем на немецкий язык. Анализируемые тексты были разбиты на актуализированные синтаксические группы (АСГ), каждой АСГ присвоен соответствующий порядковый номер.

Выделение АСГ в отдельные исследовательские единицы проводилось при наличии у них трёх обязательных качеств: 1) актуализированности, т.е. соответствия факту объективизации посредством набора взаимосвязанных речевых единиц в конкретном текстовом окружении; 2) предикативности, заключающейся в реализованной в них способности предикаторов, прежде всего, глаголов (Р. Карнап), но также существительных и прилагательных (Д. Буссе) идентифицировать свойства обозначаемых отправителем предметов, и 3) потенциальной модальности (Г.Г. Матвеева), восходящей к свойству составляющих их единиц репрезентировать уникальное отношение отправителя к конкретной речевой ситуации в целом или к отдельному её компоненту.

АСГ реализуются в виде простого предложения, части сложносочинённого или сложноподчинённого предложения, обращения, слова-предложения «да» / «нет», вводного слова или конструкции, инфинитивной группы, причастного или деепричастного оборота; эллиптического предложения или однородного члена предложения, восстанавливаемого с учётом контекстного окружения в отдельную модально-предикативную единицу, междометья.

После сегментирования материала каждая из выделенных АСГ (всего 3 467) была проанализирована с учётом идентифицированных интенций субъекта-отправителя, исходных и конечных характеристик коммуникативной ситуации. Ориентируясь на результаты анализа, мы выделили последовательность репрезентативных тестовых единиц, на основании которой составили описательную классификацию ПККЗ.

Таблица 1.

Описательная классификация ПККЗ

Тестовое единство	Подкласс тестового единства	Пример	Интенция	Конкретное намерение	Конечная ситуация	Тип ПККЗ
отправитель информирует получателя ...	о том, что устанавливаются отношения определённого типа	« Спешу ответить, хотя коротко, на Ваше письмо » [Краснов 2021: 262].	представление ситуации контакта	установить контакт	получатель проинформирован о том, что отношения установлены	контактивы
	о том, что изменяются отношения определённого типа	« Отвечая на Ваше письмо от 3 марта, я должен отметить, что короткий ответ на поставленные вопросы дать трудно, а ответить обстоятельно, не имея никаких материалов и за давностью времени – ещё трудней... » [Лукомский 2012: 725].		изменить условия контакта	получатель проинформирован о том, что отношения изменены	
	о том, что прерываются отношения определённого типа	« Пока заканчиваю письмо и прошу принять уверение в совершенном почтении и глубоком уважении » [Дутов 2006: 142].		прервать контакт	получатель проинформирован о том, что отношения прерваны	
	о том, что существует некоторое положение вещей	« Жду весну. Всю жизнь все мы чего-то ждем, да так и умираем, не дождавшись самого главного. А может умирание и есть «самое главное»? [Шолохов 2003: 149].	представление некоего положения вещей	передать знания о фактах действительности	получатель проинформирован о том, что существует некоторое положение вещей	констативы

отправитель информирует получателя ...	о том, что ранее существовало некое положение вещей	« В прошлом году потерял бездну времени , выхаживая мною же подраненную стрепетку. ... На дню по три раза ходил за станицу ловить ей кузнецов, к вящему удивлению баб, которые зело недоумевали, видя меня (это женатого-то человека!) за столь детским занятием» [Шолохов 2003: 88].	представление некоего положения вещей	передать знания о фактах действительности	получатель проинформирован о том, что ранее существовало некое положение вещей	КОНСТАТИВЫ
	о том, что возможно существование некоего положения вещей	« Если я и допишу «Тих<ий> Дон» , то не при поддержке проклятых «братьев»-писателей и литерат<урной> общественности, а вопреки их стараниям всячески повредить мне» [Шолохов 2003: 55].			получатель проинформирован о том, что возможно существование некоего положения вещей	
	о том, что необходимо восполнение дефицита знания	« Где ты, дорогая мать наша? Ты больна или лежишь уже при смерти?! » [Дутов 2006: 97].	представление субъективных переживаний отправителя	восполнить дефицит знания	получатель проинформирован о том, что необходимо восполнение дефицита знания	КВЕСТИВЫ
	о своём психическом состоянии	«Мучают меня всяческие поездки, не дают работать, зол я и «истерзан душевно» ... Лето пропало! » [Шолохов 2003: 90].			получатель проинформирован о психическом состоянии отправителя	
	о своём эмоциональном состоянии	« Горько, т. Сталин! Сердце кровью обливается , когда видишь всё это своими глазами, когда ходишь по колхозным конюшням, мимо лежащих лошадей; когда говоришь с колхозником и не видишь глаз его, опущенный в землю» [Шолохов 2003: 64].	получатель проинформирован об эмоциональном состоянии отправителя	ЭМОТИВЫ		

о том, что желательно некое положение вещей	«Очень хочется видеть Вас и потолковать с Вами обо всём, обо многом» [Шолохов 2003: 94].	представление субъективных ожиданий	обозначить субъективные ожидания	получатель проинформирован о том, что желательно некое положение вещей	регулятивы
о том, что нежелательно некое положение вещей	«Надо работать, почему очень прошу меня освободить от длительной беседы , да ещё на политическую, т.-е. совсем мне чуждую, незнакомую и непонятную тему» [Краснов 2010: 165].			получатель проинформирован о том, что нежелательно некое положение вещей	
о том, что некое положение вещей оценивается положительно	« Хорошему слову радуешься ведь, как хорошему человеку» [Шолохов 2003: 150].	представление субъективной оценки	эксплицитировать субъективную оценку	получатель проинформирован о том, что некое положение вещей оценивается положительно	репрезентативы
о том, что некое положение вещей оценивается отрицательно	«Двор у нас пустой и без цветов будет плохо » [Шолохов 2003: 162].			получатель проинформирован о том, что некое положение вещей оценивается отрицательно	

В ходе составления описательной классификации было установлено, что на первом месте в иерархии зафиксированных ПККЗ находятся констативы (66,97%), на втором – репрезентативы (16,99%), на третьем – эмотивы (7,65%), на четвёртом – контактивы (3,63%), на пятом и шестом – регулятивы (2,73%) и квестивы (2,03%).

Определив наполнение каждого из шести типов ПККЗ, мы соотнесли показатели их реализации с количеством АСГ (отдельно для оригиналов писем и их переводов) и получили показатели прагматической плотности исследуемых текстов. Оказалось, что разница актуализации ПККЗ в оригинальных и переводных текстах минимальна (А.И. Дутов – 0,013, П.Н. Краснов – 0,006, А.С. Лукомский – 0,018; М.А. Шолохов – 0,005 на 1 АСГ). Это позволило

констатировать незначительное влияние социально обусловленного экстралингвистического фактора на средний коэффициент распознавания ПККЗ.

В *Разделе 2.4.* описаны категориальные свойства ПККЗ: динамичность, селективность, рефлексивность, интенсивность и аддитивность.

Динамичность ПККЗ выражается в том, что они постоянно развиваются и преобразуются в зависимости от того, как развиваются и преобразуются внешние и внутренние условия коммуникативной ситуации, в том числе пресуппозиции, интенции, конвенционально и индивидуально обусловленные реакции отправителя и получателя на речевые сигналы, актуализованные отправителем.

Селективность ПККЗ заключается в их способности акцентировать определённое соотношение между актуализованной отправителем единицей речи и конкретными условиями коммуникативной ситуации.

Рефлексивность ПККЗ основывается на их оценочном потенциале, визуализирующем компоненты отображаемой экстралингвистической и лингвистической реальности в многокомпонентном отношении друг к другу.

Интенсивность ПККЗ связана с выражением качественно-количественных характеристик оценочного рефлексирования отправителя по отношению к отображаемому.

Аддитивность базируется на свойстве ПККЗ в условиях заданной коммуникативной ситуации добавлять к известному содержанию речевых единиц новое актуальное содержание.

В *Разделе 2.5.* свойства и интенциональное наполнение выделенных типов ПККЗ сопоставлены с вариантами имманентно присущей речевым единицам (маркерам их актуализации) способности конституировать инициируемое отправителем соотношение с конкретными фрагментами действительности (в терминах нашей работы, референции). Референция является продуктом индивидуально и конвенционально обусловленного языкового сознания отправителя, объективизирующим различного рода корреляции между составляющими конкретной ситуации коммуникации. Исходя из степени проявления вербальной пассионарности отправителя, мы выделили денотативно-идентифицирующие и модальные референции.

Основная функция денотативно-идентифицирующих референций – это номинация отображаемых отправителем фрагментов действительности, их свойств и способов взаимодействия, обусловленных извне и формально не зависящих от воли субъекта.

Функция модальных (субъектно маркированных референций) состоит в представлении субъективного отношения отправителя к отображаемому, обусловленному изнутри сознанием отправителя, его пресуппозициями, интенциями, опытом и т.д. как на лингвистическом, так и на экстралингвистическом уровнях.

Проиллюстрируем различие представленных видов модальных референций на конкретном примере.

«Ст. Вёшенская. 31 июля.

Получил письмо, в котором Вы меня «разносите». Тронуло оно меня. Устыдился я и спешу скорее исправить ошибку и дать клятвенное обещание, что буду писать и часто, и много» [Шолохов 2003: 39].

В данном отрывке письма М.А. Шолохова Е.Г. Левицкой от 31 июля 1929 г. референциально-фактологический план содержания реализован с помощью денотативно-идентифицирующих референций, а модальный (субъективный) – посредством модальных референций.

В качестве средств реализации референциально-фактологического плана актуализированы личные местоимения (*я, Вы, оно*), именные (*Ст[аница] Вешенская, 31 июля*) и глагольные группы (*получил письмо, спешу исправить ошибку и дать ... обещание, что буду писать*), представляющие объективную информацию о фактах отображаемой действительности: 1) об отправителе (*я*), 2) о получателе (*Вы*), 3) о канале инициируемой отправителем коммуникации (*письмо, оно*), 4) о пространственно-темпоральной локализации (*Ст[аница] Вешенская, 31 июля*) совершённых, совершающихся и предполагаемых действий (*получил, спешу исправить и дать, буду писать*).

Модальный план реализуется посредством речевых единиц, указывающих на субъективное оценивание отправителем отображаемого, в том числе открытое позиционирование себя как активного, занимающего центральную позицию в инициируемом им акте коммуникации субъекта (*получил, меня, меня, устыдился я, спешу исправить ... и дать ..., буду писать*). Речевые единицы модального плана сообщают также информацию 1) о ставшем результатом воздействия извне (*получил письмо, в котором Вы меня «разносите»*) эмоциональном состоянии отправителя (*тронуло оно меня, устыдился я*), 2) о действиях, которые отправитель намерен предпринять в ответ на данное воздействие (*спешу ... исправить ошибку и дать ...обещание, что буду писать*), 3) об индивидуально-личностном отношении, репрезентирующем различные параметры оценивания описываемых фактов (*«разносите», тронуло, устыдился, спешу скорее, исправить ошибку, клятвенное обещание; и часто, и много*). Отправителем осуществляется вербализация положительного эмоционального отношения к получателю письма и демонстрируется солидарность с ним (*Вы, тронуло ... меня, устыдился я, спешу ... исправить ошибку и дать ...обещание*).

Реализация референциально-фактологического и модального планов содержания позволяет отправителю, одной стороны, обозначить конкретные факты действительности, с другой стороны, выразить своё отношение к ним.

Наименее разработанными в других научных направлениях и наиболее перспективными для нашего интегративно-сопоставительного исследования (ввиду наивысшей степени экспликации в них субъективного отношения отправителя текста к отображаемому) являются модальные референции. Этому виду референций мы уделили особое внимание.

С учетом интенциональной наполненности высказываний и соответствующей ей специфики содержания, мы выделили следующие виды модальных референций:

1) дейктическую, манифестирующую личностную позицию отправителя в отношении темпорально-локального позиционирования отображаемых им субъектов;

2) оценочную, представляющую нюансы осуществляемой отправителем аксиологической или эпистемической оценки;

3) эмотивную, направленную на выражение позиции отправителя касательно эксплицируемого эмоционального или / и психического состояния;

4) контактивную, демонстрирующую отношение отправителя к необходимости установления, преобразования или прерывания коммуникативного контакта;

5) регулятивную, выражающую приоритеты реализующего её субъекта в вопросе инициации и выполнения определённого действия;

6) квестивную, указывающую на необходимость пополнения другим субъектом (или им самим) объёма наличествующей в данный момент времени информации.

В условиях конкретной коммуникативной ситуации реализация модальных референций осуществляется в соответствии с одним из вариантов субъектно маркированной направленности: субъект-субъектной или субъект-объектной.

Структура высказываний с реализованной модальной референцией может быть представлена в виде двух моделей: модели субъект-субъектной модальной референции – высказывания с эксплицитным (выраженным) модусным субъектом и модели субъект-объектной модальной референции – высказывания с имплицитным (невыраженным) модусным субъектом.

В третьей главе «Субъектно маркированные референциональные основания актуализации ПККЗ» проанализирована реализация субъект-субъектной и субъект-объектной моделей модальной референции.

В *Разделах 3.1.-3.6.* шесть видов модальных референций рассмотрены как основания актуализации и функционирования разноуровневых прагматически валентных единиц, проецирующих индивидуально и конвенционально детерминированное позиционирование субъекта-отправителя по отношению к отображаемой им действительности, осуществлена поуровневая классификация соответствующих прагматических маркеров с указанием частотности их реализации. В качестве примера представим пошаговый анализ актуализации дейктических модальных референций и восходящих к ним ПККЗ класса констативов, отражённый в *Разделе 3.1.*

Дейктическая референция (далее ДР) трактуется нами как один из видов модальной референции, транслирующий информацию относительно антропо-темпорально-локального позиционирования определённого фрагмента действительности (субъекта, объекта, его свойства, действия и т.п.), проецируемого отправителем в пространстве заданного текста. Здесь в качестве координат выстраиваемой отправителем проекции выступают три прагматические переменные: участники, место и время, актуальные для отображаемого. Каждая из прагматических переменных задаёт вектор развёртывания ДР. Соответственно, ДР может быть описана совокупностью трёх

составляющих: персональной, пространственной (локальной) и временной (темпоральной) ДР.

Актуализируя маркеры персональной ДР, отправитель манифестирует собственную позицию в отношении пассионарности отображаемого субъекта или субъектов; маркеры пространственной ДР – в отношении параметров локализации представляемых субъектов и объектов в визуализируемом отправителем фрагменте действительности; маркеры темпоральной ДР – в отношении расположения отображаемого фрагмента или его компонентов на временной оси. Составляющие ДР могут пересекаться. Проиллюстрируем сказанное.

Разве теперь моя жизнь обогатилась иными переживаниями? Нет, всё то же, даже хуже. **Не скажу**, что **я скучаю**, это бы неверно выражало **теперешнее моё** настроение (М.А. Шолохов М.П. Шолоховой, 16 ноября 1924 г., г. Москва [Шолохов 2003: 13]).

В приведённом отрывке отправитель (М.А. Шолохов) позиционирует себя как активный участник актуальной вербальной интеракции. Указание на отправителя осуществляется с помощью средств центральной группы персональной ДР: личного местоимения (*я*) притяжательных местоимений (*моя, моё*) и глаголов (*не скажу, скучаю*) в форме 1-го л. ед. числа. Темпоральные наречие (*теперь*) и прилагательное (*теперешнее*) выступают при этом как средства актуализации ядерной группы темпоральной ДР и служат для позиционирования описываемого события в той части реальности, которая существует в момент написания текста. Данный тип позиционирования поддерживает актуализация глаголов в настоящем времени (*не скажу, скучаю*). Отнесение момента написания письма к настоящему подчёркивается также посредством противопоставления его прошлому, выраженному с помощью глагола в прошедшем времени (*обогатилась*), и к ещё не существующему, но возможному, эксплицитированному глаголом в сослагательном наклонении (*выражало бы*).

«Родная мне безмерно! Десятый день не вижу тебя, не ощущая около себя твоей близости, а кажется, что долгие-долгие дни, как стеной, отгородили нас, и недавнее прошлое встаёт перед моими глазами, подёрнутое дымкой тумана. Скажи, ведь недавно ходили мы с тобой за Чиром, ломали пушистый камыш и воздух возле воды был свеж и морозен и на щеках твоих дрожал бледный румянец?» (М.А. Шолохов М.П. Шолоховой, 16 ноября 1924 г., г. Москва [Шолохов 2003: 13]).

В этом примере для указания на отправителя и получателя используются личные (*мне, тебя, нас, мы с тобой, мне*) и притяжательные местоимения (*твоей, моими, твоих*) 1-го и 2-го л. ед. числа и 1-го л. мн. числа, а также формы 1-го и 2-го л. ед. и мн. числа глаголов (*не вижу, скажи, ходили, ломали*). Как и в первом отрывке, эгоцентрическое прагматическое значение речевых единиц

центральной группы персонального дейксиса поддерживается условиями заданного контекста. Темпоральный дейктический центр также находится в настоящем. В качестве маркеров темпоральной ДР, относящих момент написания к данному моменту времени, выступают глаголы в настоящем времени (*не вижу, кажется, встаёт*). Момент написания письма противопоставлен прошлому, воспоминаниям отправителя, эксплицированным с помощью глаголов в прошедшем времени (*отгородили, ходили, ломали, был, дрожал*), отглагольного страдательного причастия прошедшего времени (*подёрнутое*) и сочетания «темпоральное прилагательное + темпоральное существительное» (*недавнее прошлое*). Продолжительность временного отрезка, разделяющего отправителя и получателя письма, подчёркивается сочетанием «прилагательное + темпоральное существительное» (*долгие-долгие дни*) «порядковое числительное + темпоральное существительное» (*десятый день*). Локализация субъектов в пространстве относительно друг друга отмечена посредством предложно-падежных конструкций (*около себя ... близости, на щеках*), в том числе включающих в себя глаголы пространственной локализации (*встает перед ... глазами, ходили мы ... за Чиром; как стеной, отгородили нас*) и локального наречия (*возле*) в сочетании с существительным.

Рассмотрев примеры экспликации опосредованной ДР, мы представили ход и результаты анализа способов её актуализации. Анализ проводился в несколько этапов. На первом этапе информанты получили задание, согласно которому должны были описать ситуацию, отображенную на картине (см. *Рисунок 2.*), так, чтобы тот, кто не видит её, мог получить исчерпывающую информацию.

Рисунок 2.

Темпорально-локальное позиционирование фрагментов действительности

А.К. Ованесов
«Казачки Дона»

Группы информантов (4 группы, всего 198 человек) формировались с учётом критериев внутренней валидности, позволяющих экстраполировать полученные при анализе речевых реакций данные на каждого члена группы. В

качестве наиболее значимых характеристик испытуемых, которые могли бы существенно повлиять на выделяемые переменные (маркеры актуализации ДР), учитывались: пол, возраст, уровень образованности, основной вид деятельности, национальная принадлежность, уровень владения русским языком. Работа информантов (описание предложенной им картины) не ограничивалась во времени и в объёме. По результатам анализа переменных было проведено нормирование полученных данных и их последующая интерпретация.

Было доказано, что ДР может актуализироваться с помощью дескрипций, ядром которых являются:

- речевые средства, содержащие в своей семантике или в морфологической форме указание на актуального отправителя или получателя: дейктические местоимения (*я, мы; ты, вы, Вы*), притяжательные (*мой, наш, твой, ваш*) местоимения 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа, формы глаголов 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа, имена собственные (указывающие на уникальный, единственный в своём роде активный коммуникативный субъект);
- речевые средства, вербализующие оценку темпорального позиционирования отправителя 1) семантически: наречия времени (*сейчас, сегодня*), темпоральные существительные (*утро, день*) и прилагательные (*сегодняшний*), 2) морфологически: глаголы в изъявительном наклонении, 3) синтаксически: словосочетания с темпоральным значением, придаточные предложения времени;
- речевые средства с пространственно-реляционными значениями: пространственные наречия (например, *здесь*), и предлоги (*в, на, у* и т.д.); указательные местоимения (*этот, тот*); глаголы пространственной локализации (*сидеть, стоять, идти, приходиться, располагаться*); существительные и прилагательные, локализирующие описываемые фрагменты действительности (*дом, дорога; местный*); предложно-падежные конструкции, выражающие пространственные отношения, придаточные предложения места.

Сопоставление усреднённых показателей трёх подвидов ДР позволило вычислить иерархию их актуализации для проанализированных текстов-описаний. На первом месте оказалась пространственная ДР (50,76%), на втором – временная ДР (40,25%), на третьем – персональная ДР (8,99%). В этой части анализа перед информантами-отправителями не ставилась задача обозначить своё собственное отношение к тому, что представлено на полотне. Тем более показательно наличие в их описаниях маркеров субъект-субъектного позиционирования (речевых средств, обладающих категорией 1-го лица). Отметив данный феномен, мы перешли ко второму этапу.

На втором этапе мы обратились к информантам с просьбой представить, что они сами являются наблюдателями или непосредственными участниками ситуации, отображённой на картине, и описывают её, обращаясь к своему собеседнику / собеседникам. Объём текстов-описаний информанты определяли сами, не будучи ограничены во времени так же, как и в первой части эксперимента.

В результате обобщения описаний информантов было установлено, что здесь персональная ДР (45,74%) занимает первую позицию, за ней следует пространственная ДР (29,49%), на третьем месте в иерархии актуализации видов ДР располагается темпоральная ДР (24,77%). Полученные данные легитимируют наблюдения о том, что актуализация маркеров различных подвидов ДР зависит от условий речевой ситуации. В субъективизированных описаниях картины доминирует персональная ДР, в описаниях, где перед отправителем не ставилась задача, обозначить собственное позиционирование, приоритет отдается пространственной и темпоральной ДР (персональная ДР: первый этап – 8,99%, второй этап – 45,74%). Кроме того, приблизительно одинаковое соотношение показателей пространственной и темпоральной ДР (первый этап: пространственная ДР – 50,76%, темпоральная ДР – 40,25%, интервал – 10,51%; второй этап: пространственная ДР – 29,49%, темпоральная ДР – 22,77%, интервал – 6,72%; разница интервалов <10%, но > 5%) демонстрирует значительно более высокую зависимость персональной ДР от исходных установок отправителя.

Проанализировав принадлежность выделенных на первом и на втором этапе анализа маркеров ДР к языковым уровням, мы выяснили, что независимо от исходных условий речевой ситуации каждый их трёх подвидов ДР значительно чаще актуализируется с помощью лексических, чем с помощью морфологических или синтаксических маркеров.

Таблица 3.

*Распределение маркеров ДР соответственно языковым уровням.
Первый и второй этапы эксперимента*

Вид ДР Средства актуализации	Персональная		Темпоральная		Пространственная		Всего
	Персональная	Темпоральная	Пространственная	Всего	Пространственная	Всего	
Группа I							
Этап эксперимента	I	II	I	II	I	II	I, II
Лексические средства	8	186	303	168	445	313	1423
Морфологические средства	8	202	0	39	0	0	249
Синтаксические средства	0	0	0	0	0	0	0
Группа II							
Лексические средства	15	144	110	126	172	222	789
Морфологические средства	15	114	0	16	0	0	145
Синтаксические средства	0	0	0	0	0	0	0
Группа III							
Лексические средства	24	161	275	178	151	161	950

Морфологические средства	24	96	6	13	0	0	139
Синтаксические средства	0	0	0	10	0	0	10
Группа IV							
Лексические средства	39	119	76	119	196	110	659
Морфологические средства	39	148	0	8	0	0	195
Синтаксические средства	0	0	0	0	7	0	7

Приведённые в таблице данные позволяют отметить следующее. Показатели актуализации лексических маркеров ДР существенно превосходят показатели маркеров других языковых уровней для представителей каждой из четырёх групп информантов (первая группа – 85,11%, вторая – 84,48%, третья – 86,44%, четвёртая – 76,54%). Морфологические маркеры реализуются реже чем лексические (первая группа – 18,99%, вторая – 15,52%, третья – 12,65%, четвёртая – 22,64%). Синтаксические маркеры актуализируются редко (третья группа – 0,91%, четвёртая – 0,81%).

На третьем этапе анализа информантам было предложено выбрать (подчеркнуть) слова или выражения, указывающие на говорящего, его расположение во времени и в пространстве, в подготовленных текстах-образцах (письмах А.И. Дутова, П.Н. Краснова, А.С. Лукомского, М.А. Шолохова). Объём исследованных текстов составил 4 158 АСГ. Пометы информантов были обработаны, систематизированы соответственно принадлежности языковым уровням и переведены в процентные величины. Исследование ДР на этом этапе эксперимента подтвердило доминирование лексических маркеров (49,56%). На втором и третьем месте оказались морфологические (36,15%) и синтаксические (14,29%) маркеры.

Трёхэтапное изучение маркеров ДР показало, что каждый из исследованных уровней языка предоставляет широкий выбор средств для указания на активный субъект коммуникации, его пространственную и временную локализацию, а также на пространственно-темпоральную

локализацию отображаемых им субъектов и объектов действительности. Осуществляя выбор средств из наличного репертуара маркеров ДР и позиционируя себя и фрагменты отображаемой действительности во времени и в пространстве, субъект-отправитель раскрывает собственный референционально-прагматический код, основанный на его уникальных хронотипических приоритетах.

Проиллюстрированный алгоритм анализа актуализации маркеров референциональных практик отправителей апробирован также в отношении оценочной, эмотивной, контактивной, регулятивной и квестивной модальных референций с целью выявления общих закономерностей их функционирования как основания актуализации ПККЗ (*Разделы 3.2.-3.6.*). Обобщение результатов данного анализа представлено в *Разделе 3.7.* Полученные данные позволяют сформулировать следующие выводы.

Прагматическую валентность могут проявлять отдельные части и формы слов, словосочетания, части предложений и целые предложения. Их изучение доказывает, что в номенклатуре прагматически валентных средств могут быть выявлены лексические, грамматические и словообразовательные доминанты как для субъектно маркированной референции в целом, так и для отдельных её видов. Например, в проанализированных текстах наивысшие показатели актуализации принадлежат лексическим маркерам субъектно маркированной референции (54,46%), второе место занимают морфологические маркеры (27,6%), третье – синтаксические (17,58%), четвёртое – словообразовательные (0,36%).

Сопоставление средних показателей актуализации маркеров референций демонстрирует также соотношение отдельных видов модальной референции как составляющих системы вербальной объективизации субъективной информации (в проанализированных текстах: дейктические – 58,25%, оценочные – 14,54%, контактивные – 8,45%, эмотивные – 7,42%, регулятивные – 6,33%, квестивные – 5,01% референции).

Проведённый анализ высказываний и их широкого контекстного окружения позволил уточнить общие формулы актуализации различных видов субъектно маркированных референций, выведенные во второй главе:

- модель субъект-субъектной модальной референции: $S(m) + P(m) + S(d) + P(d)$, представленной в высказываниях с эксплицитным (определённым) модусным субъектом, где $S(m)$ – эксплицитный модусный субъект; $P(m)$ – управляющий модальный предикат, $S(d)$ – имплицитный модусный субъект; а $P(d)$ – управляемый диктумный предикат, например: *я думаю / сказал(а), он чалканчик* (аккуратный человек); *я считал(а) его чалканчиком* и т.д., и
- модель субъект-объектной модальной референции: $P(m) + S(d) + P(d)$, реализованной в высказываниях с имплицитным модусным субъектом, например: *он / она замазура; он / она, шелтобойка* (непоседа) и т.д.

Первая модель (с эксплицитным модусным субъектом), согласно анализу пресуппозитивной и интенциональной составляющей, является базисом для воплощения индивидуально детерминированных алгоритмов вербализации

нюансов отношения отправителя к отображаемой им действительности, вторая (с имплицитным модусным субъектом) реализуется для представления конвенционально обусловленного позиционирования отправителя в отношении отображаемого. Соответственно, первая модель была рассмотрена нами как основание для актуализации ПККЗ, релевантных для интерпретации референционально-прагматического кода отправителя.

Изучение контекстного окружения маркеров-носителей ПККЗ, проиллюстрированное в *Разделах 3.1.-3.7.*, позволило дополнительно уточнить особенности их структурной организации как по основанию принадлежности к различным языковым / речевым уровням (лексические (48,32%), морфологические (25,13%), синтаксические (19,14%) и словообразовательные (7,41%) маркеры), так и по основанию объективизируемых нюансов позиционирования отправителя к отображаемой им действительности (констативы (68,09%), регулятивы (14,89%), контактивы (5,64%), репрезентативы (4,42%), эмотивы (3,78%) и квестивы (3,18%)).

Дальнейшая интерпретация отмеченных особенностей экспонировала абстрактность выведенных ранее моделей модальной референции и, как следствие, высокую степень их инвариантности, обеспечивающуюся присущей ПККЗ способностью пересекаться в высказываниях, соответствующих различным видам референции. Было установлено, что эта способность, обеспечивает реальное и потенциальное взаимодействие ПККЗ с другими элементами вербальной объективизации отправителем субъективной информации.

В четвёртой главе «Лингвопрагматическая интерпретация ПККЗ, объединённых заданным текстовым пространством» проиллюстрирован авторский алгоритм системного анализа ПККЗ, осуществлённого с учётом интенциональной направленности и контекстного окружения актуализации соответствующих маркеров-носителей в качестве диагностирующих элементов вербальной объективизации субъективной информации.

В *Разделе 4.1.* изложены теоретические и методологические основания алгоритма. Показано, что система шести референциональных оснований и соответствующих им ПККЗ речевых сигналов, актуализируемых отправителем, может быть использована как своеобразная прагматическая система координат, толкование которой ведёт к интерпретации прагматического пространства текста и референционально-прагматического кода отправителя.

Каждая из выделенных координат (дейктическая, оценочная, эмотивная, контактивная, регулятивная, квестивная) раскладывается по соответствующим векторам, отображающим направление развития условий коммуникативной ситуации и учитывающим ресурсы соответствующих языковых / речевых маркеров. Так, например, дейктическая координата анализируется как совокупность трёх направляющих: персонального, локального и темпорального подвидов дейктической референции. Оценочная координата образуется двумя направляющими: аксиологическим и эпистемическим подвидами оценочной референции.

Уточнение иерархии частных видов референции приводит к функциональной организации и редукции анализа ПККЗ в приложении к заданной текстовой реальности, а также способствует выявлению особенностей соотношения ПККЗ с множеством взаимосвязанных нерядорасположенных феноменов: на уровне текстовой (замысел, тема, образ, жанр, стиль) и на уровне дискурсивной оптимизации (пресуппозиции, интенции, стереотипы речевого поведения отправителя). Как следствие, в ходе интерпретации осуществляется переход от линейного к объёмному представлению ПККЗ, обеспечивающийся включением в поле исследования составляющих прагматического контекста в качестве теоретической и когнитивной абстракции индивидуальных и конвенциональных баз знаний, интроспекции говорящим собственной коммуникативной активности и вероятных целей других участников коммуникативного процесса. При этом реализуется приоритетная направленность интерпретации не на определение достоверности отображаемой ситуации действительности, а на описание индивидуализированных параметров данного отображения, осуществляемого конкретным отправителем или группой отправителей через актуализируемые им ПККЗ.

В *Разделах 4.2.-4.4.* представлена апробация алгоритма лингвопрагматической интерпретации на материале отдельных текстов казачьей лингвокультуры. Проиллюстрируем его возможности на примере письма Михаила Александровича Шолохова от 16 ноября 1924 г., в котором известный русский и советский писатель, журналист и киносценарист обращается к своей жене Марии Петровне Шолоховой, сожалея о вынужденном с ней расставании (*Раздел 4.2.*).

Текст письма был сегментирован на актуализированные синтаксические группы (АСГ). После этого в каждой из выделенных АСГ были проанализированы маркеры-носители ПККЗ и соответствующие им виды субъектно маркированных референций.

В проанализированных АСГ в качестве маркеров-индикаторов персональной дейктической референции реализованы личные (*я, ты, мы*) и притяжательные местоимения (*мой, твой, наш*) в различных падежных формах, а также личные формы глаголов (1-е л. ед. и мн. число и 2-е л. ед. число). Всего 35. 18 (51,43%) из 35 (100%) маркеров указывают на отправителя письма, например: *не скажу, я, скучаю, моё*:

«Не **скажу**, что **я скучаю**, это бы неверно выражало теперешнее **моё** настроение» [Шолохов 2003: 14].

11 (31,43%) из 35 (100%) индикаторов эксплицируют получателя: *жди, не скучай, тебе*:

«**Жди** и **не скучай**. Привезу **тебе** кое-что» [Шолохов 2003: 14].

6 (17,14%) из 35 (100%) маркеров представляют отправителя и получателя как единое целое: *ходили, мы, ломали*:

«Скажи, ведь недавно **ходили мы** с тобой за Чиром, **ломали** пушистый камыш и воздух возле воды был свеж и морозен и на щеках твоих дрожал бледный румянец?» [Шолохов 2003: 14].

Маркеры локальной дейктической референции, в том числе собственные и нарицательные имена существительные (в сочетании с локальными предлогами и без них), наречия места, глаголы со значением перемещения в пространстве), конкретизируют реальное местоположение отправителя (*Москва*), привязывают его воспоминания, размышления и действия к определённой части пространства (*на Хопре; кидали в воду*):

«Помнишь, **на Хопре** мы с тобой крошки **кидали в воду** и рыба кишела?» [Шолохов 2003: 14].

Маркеры локальной дейктической референции эксплицируют и имплицитно (*не вижу тебя, около себя твоей близости; как стеной, отгородили*) вынужденное дистанцирование отправителя и получателя, а также локализацию отображаемых объектов относительно отправителя (*прошлое встает перед моими глазами*):

«Десятый день не вижу тебя, не ощущая **около себя твоей близости**, а кажется, что долгие-долгие дни, **как стеной, отгородили** нас, и недавнее прошлое **встает перед моими глазами**, подёрнутое дымкой тумана» [Шолохов 2003: 14].

Темпоральная дейктическая референция представлена в тексте 65 актуализованными маркерами, преимущественно глаголами в настоящем, прошедшем и будущем времени (*заработаю, приеду*), числительными в сочетании с существительными (*16 ноября, 24 г.*), существительными (*ночь*):

«**16 ноября 24 г. Ночь. ... Как заработаю** деньги, **приеду**» [Шолохов 2003: 14].

34 (52,31%) маркера из 65 (100%) относят описываемые события к настоящему, 24 (36,92%) – к прошлому, 7 – к будущему (10,77%).

Отправитель письма активно осуществляет аксиологическое оценивание отображаемого. При этом в пределах смежных или даже одного высказывания регулярно пересекаются лексические и синтаксические маркеры различных видов оценивания:

1) этического (на уровне сопоставления описываемого состояния с эталонами морали: *равнодушной, проклятая*) и эстетического (на уровне метафоризации отображаемого: *хлынула в душу мутная волна равнодушной тоски, не вытью до дна, берёт за горло волчьей мёртвой хваткой*):

«Просто последние дни хлынула в душу мутная волна равнодушной тоски и не выпью её до дна, берет проклятая за горло волчьей мёртвой хваткой» [Шолохов 2003: 14];

2) практического (на уровне соотношения с прикладными параметрами оценивания, вынесения суждения о полезности: *мелочь* = мелкая рыба) и этического (на уровне сопоставления с эталонами социального поведения, отношения к жизни: *мелочь* = мелкие, ничтожные люди):

«Помнишь, на Хопре мы с тобой крошки кидали в воду и рыба кишела? **Мелочь**, как и люди» [Шолохов 2003: 14];

3) практического (на уровне соотношения с утилитарными параметрами оценивания, вынесения суждения о прочности: *неразрывным звеном*) и эстетического (на уровне метафоризации описываемых событий: *по дням, как по ступенькам; неразрывным звеном связана*):

«Иду по дням, как по ступенькам, и ты **неразрывным звеном** связана с каждым мелькнувшим воспоминанием» [Шолохов 2003: 14].

Эпистемический рисунок рассматриваемого текста сформирован широкой палитрой маркеров. Наиболее многочисленную группу образуют глаголы в форме изъявительного наклонения настоящего и прошедшего времени, характеризующие отображаемую ситуацию в качестве достоверной, существующей в действительности как процесс или как результат уже свершившегося действия, всего 36 (73,47%) из 49 (100%).

«**Надоедает** быть не только участником, но даже и зрителем того, как люди **гоняются** за краюхой хлеба» [Шолохов 2003: 14].

Несоответствие отображаемого тому, что происходит в реальности, представлено только одним маркером – глаголом в форме изъявительного наклонения настоящего времени (*скучаю*) в связке с отрицательной частицей *не* и глаголом говорения (*скажу*) (1 (2,04%) из 49 (100%)), при этом такая его трактовка обуславливается исключительно контекстным окружением:

«Не скажу, что я **скучаю**, это бы неверно выражало теперешнее моё настроение» [Шолохов 2003: 14].

Маркеров проблемной достоверности всего 12 (24,49%) из 49 (100%).

Проблемная достоверность выражена маркерами трёх групп:

1) тремя маркерами предположительной проблемной достоверности – глаголами в форме изъявительного наклонения будущего времени, обозначающими ещё не осуществившееся, но предполагаемое в будущем положение дел:

«Привезу тебе кое-что» [Шолохов 2003: 14],

2) тремя маркерами предположительной проблемной недостоверности, указывающими на невозможность осуществления отображаемого как в настоящем, так и в будущем, например:

«...как отблеск того, что уже **не вернётся**» [Шолохов 2003: 14],

3) шестью маркерами предположительной проблемной возможности, в том числе глаголами и наречиями со значением предположения (*кажутся, как будто*), транслирующими высокую степень неуверенности говорящего в соответствии отображаемого действительности:

«А мне эти дни **кажутся** давно минувшими, **как будто** после них жизнь прошла...» [Шолохов 2003: 14].

Отправитель реализует маркеры эмоциональной оценочной референции (всего 17 (100%)), которые в контексте письма попеременно демонстрируют перцептивный и аффективный опыт, окрашенный как положительно (*родная безмерно!*), так и отрицательно (*мутная волна равнодушной тоски, проклятая, берёт за горло, волчьей мёртвой хваткой*).

«**Родная мне безмерно!** ... Просто последние дни **хлынула в душу мутная волна равнодушной тоски и не выпью её до дна, берет проклятая за горло волчьей мёртвой хваткой**» [Шолохов 2003: 14].

Система маркеров контактивной референции (49 (100%)) указывает на участников коммуникативного контакта: отправителя – 20 (40,82%), получателя – 13 (26,54%), отправителя и получателя как единое целое – 6 (12,24%); а также определённые фазы – 5 (10,2%) и тематическую направленность вербальной интеракции – 5 (10,2%).

Значительная часть маркеров контактивной референции – это маркеры лексического уровня языка. Однако присутствуют и синтаксические маркеры, в том числе обращение и вопросы, инициирующие начало очередной фазы коммуникации.

«**Родная мне безмерно!** ... **Помнишь**, на Хопре мы с тобой крошки кидали в воду и рыба кишела?» [Шолохов 2003: 14].

Представления отправителя о необходимости выполнения определённых действий, вербализуемые маркерами регулятивной референции, связываются исключительно с получателем письма и реализуются в тексте три раза посредством глаголов в форме побудительного наклонения 2-го лица ед. числа (*жди, не скучай*):

«**Жди и не скучай**» [Шолохов 2003: 14].

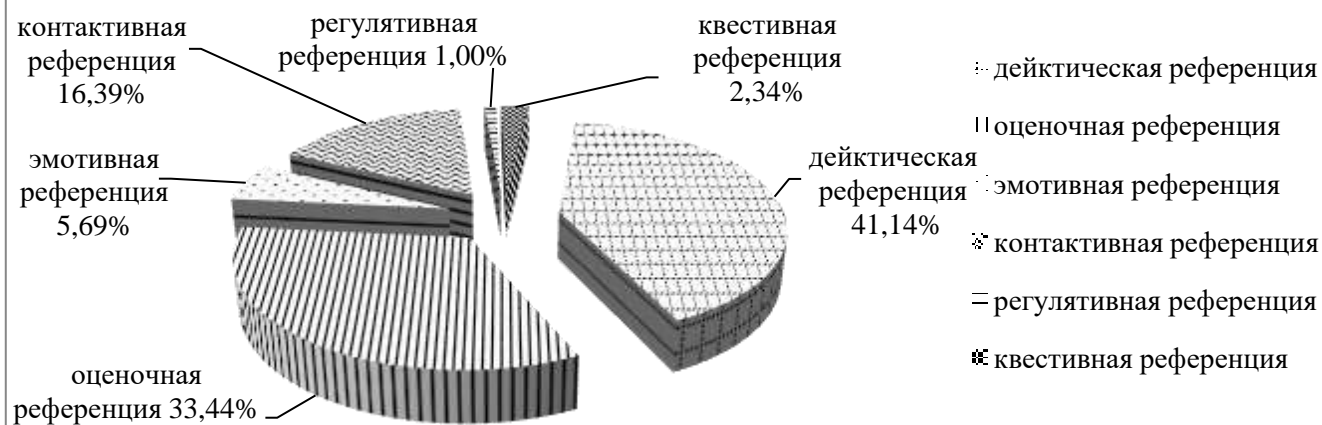
Субъективное отношение отправителя к необходимости пополнить наличествующую информацию актуализовано посредством соответствующих лексических (вопросительных частиц: *разве*) и синтаксических (вопросительных предложений) маркеров квестивной референции семь раз.

«**Разве** теперь моя жизнь обогатилась иными переживаниями?» [Шолохов 2003: 14].

Проведя анализ реализации маркеров каждого из шести типов субъектно маркированных референций, мы обобщили полученные данные и отразили их в таблице.

Таблица 4.
Актуализация субъектно маркированных референций в письме
М.А. Шолохова от 16 ноября 1924 г.

Вид модальной референции	Дейктичес- кая			Оценоч- ная		Эмо- тивная	Контак- тивная	Регу- лятивная	Квестив- ная	Всего
	персональная	локальная	темпоральная	аксиологическая	эпистемическая					
субъект-субъектная референция (ССР)	35	14	32	15	21	8	24	0	3	152 (50,84%)
субъект-объектная референция (СОР)	0	9	33	36	28	9	25	3	4	147 (49,16%)
субъект-объектная + субъект-субъектная референция (ССР + СОР)	35	23	65	51	49	17	49	3	7	299 (100%)
Средний показатель	123 (41,14%)			100 (33,44%)		17 (5,69%)	49 (16,39%)	3 (1%)	7 (2,34%)	

В письме зафиксированы шесть видов модальных референций. Их иерархические взаимоотношения выглядят следующим образом: дейктическая (41,14%), оценочная (33,44%), контактивная (16,39%), эмотивная (5,69%), квестивная (2,34%) и регулятивная (1%) референция. Коэффициент реализации модальных референций на одну АСГ – 5,16 (299 маркера референций и 58 АСГ).

В проанализированном тексте в приблизительно равных долях реализованы модели субъект-субъектных (50,84%) и субъект-объектных референций (49,16%). Это демонстрирует высокий уровень прагматической активности отправителя.

Следуя сформулированному ранее (*Раздел 3.7.*) положению о том, что субъект-субъектные модальные референции являются основаниями для актуализации ПККЗ и что их иерархия полностью соответствует иерархии ПККЗ, изложим следующие выводы анализа.

Иерархия актуализации ПККЗ в письме выражена пятью классами: констативами (53,29%), репрезентативами (23,68%), контактными (15,79%), эмотивами (5,26%) и квестивами (1,97%). Регулятивы в письме не зафиксированы. Это соответствует общим тенденциям актуализации ПККЗ в казачьих эпистолярных, выявленным ранее. Имеющиеся отличия объясняются значительной разницей в объеме интерпретируемого материала. Текст анализируемого письма сравнительно небольшой (58 АСГ). Здесь на первом плане находится единичное ситуативно и интенционально обусловленное представление отправителем конкретного фрагмента действительности. В больших массивах текстов (*Раздел 3.7.*) мы имеем дело со стереотипными реакциями отдельных отправителей (А.И. Дутова, П.Н. Краснова, А.С. Лукомского, М.А. Шолохова) или отправителей данного типа текстов (эпистолярных текстов казачьего дискурса первой четверти XX века) в целом.

Вычислив коэффициент прагматической плотности – 2,62 (152 ПККЗ на 58 АСГ), мы пришли к выводу, что в аспекте актуализации ПККЗ, несмотря на выделенные ситуативно-интенциональные расхождения, интерпретируемый текст (письмо М.А. Шолохова от 16 ноября 1924 г.), имеет те же характеристики, что и другие тексты данного типа. Здесь также было отмечено наличие значительных буферных зон актуализации ПККЗ. В одной АСГ посредством одних и тех же маркеров или их сочетаний могут быть объективизированы сразу несколько нюансов отношения отправителя к отображаемому. Это объясняется функциональным сходством анализируемых референций и средств их актуализации, а также их особыми генетическими связями.

Обобщив результаты интерпретации ПККЗ в письме, мы получили следующее описание индивидуализированного референциально-прагматического кода отправителя. Отправитель письма (М.А.Шолохов) выступает в качестве пассионарного субъекта, активно вовлекающего получателя (свою супругу – М.П. Шолохову) в процесс коммуникации или указывающего на себя и на получателя как на части единого целого. Реальное местоположение отправителя – г. Москва. Но в своих воспоминаниях и размышлениях он постоянно возвращается на родину, туда, где находятся или находились близкие ему люди. Темпоральный центр письма привязан к

определённой дате (16 ноября 1924 г.). В письме и в сознании отправителя доминирует настоящее время. Значительную часть занимает также активно осмысливаемое им прошлое. Представление действительности регулярно сопровождается сопоставлением отображаемого с общими, практическими, моральными и эстетическими эталонами, усвоенными отправителем. Эстетическая составляющая оказывается при этом максимально выраженной. Отображаемая действительность маркирована в целом как достоверная, но требующая некоторой корректировки в будущем. Отправитель позиционирует себя как открытую эмоциональную личность. Письмо насыщено эксплицитным и имплицитным представлением его перцептивного и аффективного опыта. Эмоциональный тон письма окрашен преимущественно в тёмные, негативные тона, обусловленные вынужденным расставанием с получателем (М.П. Шолоховой) и неприятием ситуации, сложившейся к описываемому моменту действительности. Инициировав вербальную интеракцию, отправитель постоянно поддерживает её развитие, последовательно разворачивает её тематические составляющие, обращаясь к получателю, побуждая его к совершению действий, направленных как в лингвистическую, так и в экстралингвистическую зоны. Отправитель письма демонстрирует недостаточность объёма имеющейся информации, его действия ориентированы на самостоятельное восполнение данной информации и на восполнение её получателем письма.

Для того чтобы конкретизировать прагматическое пространство эпистолярного наследия казачьей лингвокультуры, в *Разделе 4.5.* мы сопоставили результаты интерпретации письма М.А. Шолохова с интерпретацией других текстов, аккумулирующих характерные признаки и составляющих компактное ядро прагматического пространства казачьих эпистолярных, а также проявляющие с ними сходство тексты, составляющие его периферию. В качестве текстов ядерной части мы исследовали письма, написанные казаками (*Разделы 2.3., 3.1.-3.7., 4.2., 4.3.*, см. также письмо атамана П.Н. Краснова [Мурашова 2017: 104-115]). В качестве текстов периферийной части были проанализированы казачьи песни с тематикой «письмо» (*Раздел 4.4.*, песня «Письмо казака со службы» [Мурашова 2013: 367-372]); рассказы, стилизованные под казачьи письма (в том числе рассказ И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака» [Мурашова 2014: 72-88], рассказ И.Э. Бабеля «Письмо» [Мурашова 2016: 271-291]).

Проведенная лингвопрагматическая интерпретация прагматического пространства казачьих эпистолярных как в ядерной, так и в периферийной частях позволила эмпирическим путём, опираясь на количественные показатели актуализации ПККЗ, доказать наличие следующих его характеристик.

Отправитель активно демонстрирует своё темпорально-локальное позиционирование относительно фрагментов отображаемой им действительности. К такому выводу позволяет прийти анализ показателей актуализации субъект-субъектной дейктической референции во всех исследованных текстах (констативы: *Раздел 2.3.* – 66,97%, *3.7.* – 68,09%, *4.2.* – 53,29%, *4.3.* – 38,46%, *4.4.* – 48,96%). Здесь особую значимость приобретает

абсолютное доминирование среди прочих маркеров персонального подвида дейктической референции тех речевых средств, которые представляют пассионарный субъект вербальной интеракции как часть казачьей общины, подчёркивая внутригрупповую солидарность её членов, общинность, соборность, традиционно приписываемых казачеству.

Субъект-отправитель активно выражает собственное ценностное и / или вероятностное отношение к отображаемым им фрагментам действительности. Об этом свидетельствуют высокие показатели актуализации ПККЗ класса репрезентативов (репрезентативы: *Раздел 2.3.* – 16,99%, *3.7.* – 4,42%, *4.2.* – 23,68%, *4.3.* – 25,64%, *4.4.* – 22,91%).

Регулярное стремление отправителя к изменению конъюнктуры коммуникативного контакта отображается в высоких показателях актуализации ПККЗ класса контактивов (контактивы: *Раздел 2.3.* – 3,63%, *3.7.* – 5,64%, *4.2.* – 15,79%, *4.3.* – 25,64%, *4.4.* – 23,96%).

Показатели актуализации ПККЗ класса регулятивов (регулятивы: *Раздел 2.3.* – 2,73%, *3.7.* – 14,89%, *4.3.* – 10,26%, *4.4.* – 1,04%; исключение *4.2.* – 0%) свидетельствуют о склонности к систематической инициации отправителем различного рода действий со стороны как получателей (известных или предполагаемых), так и его самого. Подчеркнём, что регулятивы чаще эксплицируются в ядерной, чем в периферийной части прагматического пространства казачьих эпистолярных текстов (см. например, регулятивы *Раздел 4.3.* – 10,26% и *4.4.* – 1,04%).

Полагаем, что систематическая инициация действий, моделирующих оптимальные (с точки зрения отправителя) варианты действительности, объясняется двумя следующими факторами. Во-первых, объективной потребностью, например, в случае необходимости изменения конъюнктуры коммуникативного контакта в условиях сложившейся речевой ситуации. Во-вторых, конвенционально закреплённой активной позицией отправителя – представителя казачества (в традициях которого предпринимать инициативные действия в ситуации опасности, в особенности в военное время).

В ходе анализа эпистолярных текстов казачьей лингвокультуры мы отметили высокую степень проявления креативного речетворчества отправителя, выражающуюся в регулярных отклонениях от нормированного стереотипного речепорождения, в том числе в различных модификациях на уровне лексики, морфологии, синтаксиса и стилистики. Это наблюдение позволяет говорить о высокой степени приближенности речевого поведения отправителей эпистолярных текстов к ситуации непринуждённого речевого общения. Данный фактор, наряду со склонностью к экспликации субъектом нюансов чувственного познания действительности (субъектов, объектов, явлений, действий и т.д.), объясняет высокие показатели реализации ПККЗ класса эмотивов в проанализированных нами текстах (эмотивы: *Раздел 2.3.* – 7,65%, *3.7.* – 3,78%, *4.2.* – 5,26%, *4.4.* – 3,13%, исключение здесь составляет *4.3.*, где эмотивы не актуализированы согласно специфике представленного контекста).

Важной особенностью объективизации субъективной информации является достаточно часто вербализируемое стремление отправителя к

восполнению недостающей информации. Это подтверждают показатели актуализации ПККЗ класса квестивов (квестивы: *Раздел 2.3.* – 2,03%, *3.7.* – 3,18%, *4.2.* – 1,97%, исключение здесь *4.3.* и *4.4.*, где квестивы не актуализированы).

К релевантным характеристикам как ядерной, так и периферийной частей прагматического пространства казачьих эпистолярных относится также их референциальная и прагматическая плотность. На это указывают высокие показатели субъектно маркированных референций, (к примеру, в письме М.А. Шолохова – 5,16 (299 маркеров актуализации референций на 58 АСГ)) и показатели актуализации ПККЗ (в том же письме – 2,62 (152 маркера актуализации субъект-субъектных референций на 58 АСГ)) и т.д., см. *Таблица 5.*

Таблица 5.

Референциальная и прагматическая плотность прагматического пространства казачьих эпистолярных

Исследованные тесты	Количество АСГ	Референциальная плотность (показатель актуализации субъектно маркированных референций) на 1 АСГ	Прагматическая плотность (показатель актуализации ПККЗ) на 1 АСГ
Письма А.И. Дутова, П.Н. Краснова, А.С. Лукомского, М.А. Шолохова	3467	не вычислялась	1,03
Письма А.И. Дутова, П.Н. Краснова, А.С. Лукомского, М.А. Шолохова (увеличенный объём материала)	4158	0,25	0,16
Письмо М.А. Шолохова от 16 ноября 1924 г.	58	5,16	2,62
Письмо А.И. Дутова от 16 декабря 1917 г.	59	3,66	0,66
Письмо П.Н. Краснова от 24 июля 1918 г.	17	3,71	2
Рассказ И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака»	417	3,21	1,21
Рассказ И.Э. Бабеля «Письмо»	296	2,9	1,08
Песня «Письмо казака со службы»	70	3,99	1,71
Песня «Ночь прислонилась к камышу»	36	4,75	2,7
Песня «Друзья, не бойтесь клеветы»	34	3,56	0,32
Средний показатель		3,46	1,35

Высокие средние показатели референциональной (3,46) и прагматической плотности (1,35) подтверждают наличие такого свойства субъектно маркированных референций, как возможность текстового имплицирования (в пределах так называемых буферных зон) с помощью одних и тех же маркеров – носителей ПККЗ, кроме того, они подтверждают наличие эволюционных связей и функционального сходства субъект-субъектных референций (соответственно, и самих ПККЗ).

Тексты ядерной части прагматического пространства казачьих эпистолярных отличаются в среднем более низкими показателями референциональной и прагматической плотности, чем тексты периферийной части эпистолярного наследия казачьей лингвокультуры. При этом тексты с меньшим количеством АСГ демонстрируют значительно более высокий уровень референциональной и прагматической плотности в сравнении с текстами с большим количеством АСГ.

Проиллюстрированный авторский алгоритм лингвопрагматической интерпретации разноуровневых речевых единиц-индикаторов шести классов ПККЗ позволил выйти за пределы отдельной АСГ в пространство целостного текста и далее в широкий лингвокультурный контекст его создания и функционирования. Использование этого алгоритма предоставило возможность проанализировать механизмы функционирования ПККЗ в неразрывном единстве с детерминированными экстралингвистическими параметрами вербальной интеракции, в том числе с уникальными характеристиками исторического и культурного опыта, конвенционально и индивидуально закреплёнными алгоритмами социального взаимодействия и т.д. казачьей лингвокультуры в целом, а также отдельных её представителей в частности.

Интерпретация прагматического пространства казачьих эпистолярных доказала возможность выявления характерных особенностей алгоритма объективизации субъективной информации на основании комплексного анализа показателей актуализации субъектно маркированных референций и восходящих к ним ПККЗ. Был выявлен особый диагностирующий потенциал лингвопрагматической интерпретации, открывающей новые возможности, с одной стороны, для уточнения и документального подтверждения особенностей содержательно-смыслового пространства текста (отдельного письма или целого массива писем или псевдописем и т.п.), а также широкого лингвокультурного контекста его создания, с другой стороны, для установления уникальных авторских приоритетов вербальной объективизации субъективной информации.

В пятой главе «Диагностирующий потенциал лингвопрагматической интерпретации» представлены результаты интегративно-сопоставительного анализа лексических речевых средств-носителей ПККЗ, проявивших себя как маркеры, чаще других актуализируемые отправителями в субъект-субъектных моделях модальных референций (для сравнения: лексические (48,32%), морфологические (25,13%), синтаксические (19,14%) и словообразовательные (7,41%) маркеры); выделены лексические доминанты прагматического пространства текста как релевантные индикаторы прагматического поля, экстраполирующие особенности объективизации субъективной информации в

языке и речи; сформулированы условия реализации диагностирующего потенциала лингвопрагматической интерпретации, описан ход и результаты апробации лингвопрагматической атрибуции.

В *Разделе 5.1.* в качестве основного критерия, позволяющего выделить лексические прагматические маркеры в отдельную группу в ряду других лексических единиц, рассмотрена их потенциальная или реальная (реализованная в пределах конкретной АСГ) возможность объективизировать различные параметры позиционирования отправителя по отношению к отображаемому.

В *Разделе 5.2.* доказано существование лексических доминант прагматического пространства текста, функционирующих в пространстве казачьих эпистолярных в виде особой поликомпонентной системы, реализующей различные нюансы объективируемой отправителем субъективной информации; уточнены особенности её составляющих, их внутренняя иерархия и логика отношений.

Поскольку анализ контекстной реализации репрезентативов и констативов (*Разделы 4.2.-4.5., Раздел 5.2.*) показал высокую степень зависимости репрезентативов и меньшую степень зависимости констативов от условий конкретной коммуникативной ситуации, лексические констативы отмечены как маркеры, способствующие раскрытию диагностирующего потенциала лингвопрагматической интерпретации.

В *Разделах 5.3.1.-5.3.3.* представлены результаты детального рассмотрения лексических констативов трёх подвидов (персональных, локальных и темпоральных) в качестве прагматических доминант, транслирующих в пространстве заданного текста те оттенки объективируемой отправителем субъективной информации, которые прямо или косвенно указывают на его отношение к темпорально-локальному позиционированию отображаемых субъектов и объектов; проведена классификация лексических констативов в соответствии с дополнительными содержательными компонентами, а также продемонстрированы их внутренние и внешние взаимосвязи.

Анализ текстов показал, что лексические персональные констативы как ядерной, так и периферийной зоны персональной части дейктического поля наряду с обязательным указанием на активный или пассивный субъект коммуникации проявляют способность указывать на одну или несколько дополнительных характеристик отображаемого субъекта, в том числе: его гендерную принадлежность (45,78%), аксиологически значимые характеристики (11,28%), семейный статус (8,02%), должность или звание (4,22%), приоритетный род занятий (3,56%), отношение к труду (3,44%), профессию (3,27%), эстетические свойства (3,09%), возраст (3,03%), антропометрические характеристики (2,97%), коммуникабельность (2,85%), субэтническую или локальную принадлежность (2,67%), интеллектуальные способности (1,84%), эмоциональность (1,84%), благосостояние (1,55%) и религиозность (0,59%).

Доказано, что лексические локальные констативы, с помощью которых отправитель объективизирует собственное восприятие параметров локализации отображаемой им действительности, могут транслировать восприятие

определённой стационарной части пространства – 480 (76,07%), а также восприятие относительного расположения или перемещения в пространстве отображаемых фрагментов действительности – 151 (23,93%). Лексические локальные констативы демонстрируют возможности их дальнейшей дифференциации. Выделяются лексические локативы, указывающие на объекты пространства естественного происхождения, и лексические локативы, называющие искусственно созданные пространственные объекты. Последние разделяются соответственно их функциональному назначению (быт, сельское хозяйство, животноводство, рыболовство, военное дело, охота). Кроме того, экстрагируются локативы, представляющие положение фрагментов действительности в географической системе координат, указывающие на направление и протяжённость в пространстве.

Лексические темпоральные констативы манифестируют темпоральную локализацию отображаемых в акте коммуникации фрагментов действительности. В их ряду выделяются констативы, репрезентирующие отображаемые факты статично и в динамике с учётом их расположения на временной оси.

В *Разделе 5.4.* отображены результаты разработки и апробации алгоритма лингвопрагматической атрибуции с опорой на лексические констативы.

Первичная лингвопрагматическая атрибуция проведена на материале текстов, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка (<http://ruscorpora.ru>, 2022, объём исследованных измерений – 721 215). Изучение лексических персональных, локальных и темпоральных констативов, соответствующих трём направляющим ядерной части прагматического пространства текста на этом этапе позволило ввести в поле анализа данные прагматической системы координат субъекта, апробировать алгоритм их анализа, проверить его эффективность на значительном объёме материала, получить искомые результаты и провести их верификацию.

В *Разделе 5.5.* представлена последующая апробация алгоритма лингвопрагматической атрибуции с привлечением трёх групп сопоставимых массивов (V_1 (N_i около 5 000 измерений), V_2 (N_i около 5 000 измерений) и т.д. – писем М.А. Шолохова, написанных с 24 мая 1924 г. по 7 марта 1938 г., текстов «Тихого Дона» и «Поднятой Целины», всего 55 375 измерений). Одноформатные исходные величины (прагматические доминанты) проанализированы как составляющие прагматической системы координат субъекта, результатом речевой деятельности которого является текст.

Частота актуализации прагматических доминант, соответствующих персональной, темпоральной и локальной координатам прагматического поля, вычислялась нами по формуле: $P_i = \frac{M_i}{N_i}$, где M_i – повторение исследуемой доминанты, а N_i – количество её испытаний в тексте. При этом увеличение числа испытаний рассматривалось как пропорциональное увеличению степени надёжности результатов применения методики. Каждая из координат изучалась как результат актуализации объёмной номенклатуры разноуровневых маркеров (лексических, морфологических и синтаксических), объективизирующих

представление отправителя о темпорально-локальном позиционировании пассионарного субъекта вербальной интеракции. При этом, если в первой группе массивов (письмах) актуализация прагматического пространства текста, осуществляемая пассионарным субъектом соотносилась с адресантом (М.А. Шолоховым), то во второй и в третьей группе массивов (художественных текстах) анализировалась реализация прагматического пространства, опосредованного лирическими героями созданных отправителем текстов.

Актуализация лексических доминант прагматического пространства художественных текстов представляет собой результат речевой и когнитивной деятельности группы заинтересованных субъектов: автора, секретаря, редактора, корректора, цензора и т.д. Однако, поскольку именно автор несёт ответственность за создание того или иного текста, выбирая из массы возможных вариантов наиболее удачный в той или иной ситуации действительности, его предпочтения являются определяющими в оформлении структуры прагматического пространства текста, в том числе опосредованно, через речевые образы лирических героев. Речь автора, проанализированная в системе, отражает особенности оформления прагматического пространства текстов, свойственные ему самому. В качестве косвенного доказательства правомерности этого тезиса, приведём отрывки из писем М.А. Шолохова относительно написания им «Тихого Дона»:

«Если я и допишу «Тих<ий> Дон», то не при поддержке проклятых «братьев»-писателей и литерат<урной> общественности, а вопреки их стараниям всячески повредить мне. ... А я всё ж таки допишу «Тихий Дон»! И допишу так, как я его задумал» (Письмо М.А. Шолохова Е.Г. Левицкой от 2 апреля 1930 г. [Шолохов 2003: 55]).

Результаты анализа актуализации прагматических доминант представлены в следующей таблице.

Таблица 6.

Частота актуализации прагматических доминант

		Констативы	персональные	локальные	темпоральные			Всего
					прошлое	настоящее	будущее	
Письма (1924 – 1938)	Массив 1 (V ₁) (24 мая 1924 – 21 июля 1929) 4938 измерений	456	164	80	172	50	922	
		(<i>p</i> 0,092)	(<i>p</i> 0,033)	302 (<i>p</i> 0,061)			(<i>p</i> 0,187)	
	Массив 2 (V ₂) (21 июля 1929 – 16 января 1931) 5214 измерений	484	139	95	157	73	948	
		(<i>p</i> 0,093)	(<i>p</i> 0,027)	325 (<i>p</i> 0,062)			(<i>p</i> 0,182)	

	Массив 3 (V ₃) (24 мая 1931 – 4 августа 1932) 5329 измерений	472 (<i>p</i> 0,089)	134 (<i>p</i> 0,025)	112	162	74	954 (<i>p</i> 0,179)
				348 (<i>p</i> 0,065)			
	Массив 4 (V ₄) (14 августа 1932 – 7 февраля 1934) 4999 измерений	433 (<i>p</i> 0,087)	96 (<i>p</i> 0,019)	119	175	83	906 (<i>p</i> 0,181)
				377 (<i>p</i> 0,075)			
Массив 5 (V ₅) (4 марта 1934 – 7 марта 1938) 4923 измерения	447 (<i>p</i> 0,091)	129 (<i>p</i> 0,026)	93	202	104	975 (<i>p</i> 0,198)	
			399 (<i>p</i> 0,081)				
	Средние показатели для писем 25 403 измерений	<i>p</i> 0,090	<i>p</i> 0,026	<i>p</i> 0,069			<i>p</i> 0,185
«Тихий Дон» (1925-1932, 1940)	Массив 6 (V ₆) Том 1. 4993 измерений	117 (<i>p</i> 0,023)	34 (<i>p</i> 0,007)	18	39	28	236 (<i>p</i> 0,047)
				85 (<i>p</i> 0,017)			
	Массив 7 (V ₇) Том 2. 4990 измерений	117 (<i>p</i> 0,023)	28 (<i>p</i> 0,006)	20	45	25	235 (<i>p</i> 0,047)
				90 (<i>p</i> 0,018)			
	Массив 8 (V ₈) Том 3. 4987 измерений	106 (<i>p</i> 0,022)	33 (<i>p</i> 0,007)	14	41	30	226 (<i>p</i> 0,045)
				85 (<i>p</i> 0,017)			
Массив 9 (V ₉) Том 4. 4985 измерений	102 (<i>p</i> 0,021)	26 (<i>p</i> 0,005)	13	34	31	206 (<i>p</i> 0,041)	
			78 (<i>p</i> 0,016)				
	Средние показатели для «Тихого Дона» 19 995 измерений	<i>p</i> 0,022	<i>p</i> 0,006	<i>p</i> 0,017			<i>p</i> 0,045
«Поднятая целина» (1930, 1959)	Массив 10 (V ₁₀) Книга I. 4993 измерений	127 (<i>p</i> 0,025)	36 (<i>p</i> 0,007)	28	47	26	264 (<i>p</i> 0,053)
				101 (<i>p</i> 0,020)			
	Массив 11 (V ₁₁) Книга II. 4984 измерений	122 (<i>p</i> 0,024)	35 (<i>p</i> 0,007)	16	44	29	246 (<i>p</i> 0,049)
			89 (<i>p</i> 0,018)				
	Средние показатели для «Поднятой целины» 9 977 измерений	<i>p</i> 0,024	<i>p</i> 0,007	<i>p</i> 0,019			<i>p</i> 0,051

Обобщение показателей актуализации прагматических доминант позволило установить, что во всех группах массивов: 1) действует закон сохранения частот, при котором колебания показателей незначительны или отсутствуют; 2) в сопоставимый временной период (1932-1934 гг.) наличествуют

соизмеримые колебания персональных и локальных констативов; 3) в группе темпоральных констативов доминируют маркеры, позиционирующее отправителя в настоящем, при этом разница процентных соотношений между показателями прошлого, настоящего и будущего времени незначительна; 4) во всех художественных текстах при опосредованном указании на пассионарный субъект зафиксированы минимальные отклонения показателей персональных и локальных констативов.

Подтверждение наличия соизмеримых колебаний персональных и локальных констативов в сопоставимый временной период (1932-1934 гг.) обеспечивается также содержанием изученных документов. Исходя из их анализа, можно заключить, что этот факт объясняется, с одной стороны, общей тенденцией в нарастании показателей актуализации темпоральных констативов, характеризующих позиционирование отправителя во временном континууме, осмысление им времени. С другой стороны, поскольку на общем фоне актуализации констативов в письмах М.А. Шолохова со второй половины 1932 г. по начало 1934 г. (массив 4) наблюдается резкое уменьшение показателей персональных и локальных констативов, экспликация активным коммуницирующим субъектом себя и своего позиционирования в пространстве в целом может быть интерпретирована как более сдержанная. Известно, что это время связано для писателя и его ближайшего окружения с рядом серьёзных проблем (обвинением в плагиате, болезнью, голодом), решение которых вынудило его обратиться к Сталину (письмо Сталину от 20 апреля 1932 г. [Шолохов 2003: 81-83] и др.). Внутреннее состояние писателя значительно повлияло на его речевое поведение. Сам М.А. Шолохов так пишет об этом:

«Я работаю, набираю темпы после московской встряски, из ума не идёт у меня последнее моё пребывание в Москве. <...> Со мной случилась паскудная история: заболел на второй же день приезда, к вечеру темп<ература> скакнула до 40,4 и я «снялся с катушек» <...> Плохо у нас, Саша, с хлебом. Во всех северных районах очень туго – небывало туго!» (М.А. Шолохов А.А. Фадееву 28 января 1932 г. [Шолохов 2003: 76-78]).
«... Постановление ЦК «О принудительном обобществлении скота» находится в прямом противоречии с планом мясозаготовок по Вешенскому району. <...> Противоречие между постановлением ЦК и мясозаготовительным планом столь очевидно, что районная парторганизация чувствует себя вовсе неуверенно» (М.А. Шолохов Сталину, 20 апреля 1932 г. [Шолохов 2003: 81-83]).

О бедственном положении, сложившемся в Северокавказском крае, писатель сообщает также в «Правде», в статье «Преступная бесхозяйственность (от нашего специального корреспондента)» в марте 1932 г. («Правда», № 81, 22 марта). Показательно, что с середины 1934 г. (массив 5) актуализация персональных и локальных констативов в текстах писем возвращается к привычным величинам.

Результаты анализа прагматических доминант позволили сделать вывод о том, что авторство во всех проанализированных текстах принадлежит М.А. Шолохову, и доказать продуктивность лингвопрагматической атрибуции.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования, намечаются перспективы дальнейшей научной работы.

Комплексное описание прагматически валентных лексических речевых средств позволило переосмыслить ПККЗ как открытую нелинейную среду, способную к самоорганизации, и оформить слотовую (потенциально заполняющуюся единицами любого национального или субнационального языка и вписывающуюся в широкий общеязыковой контекст) структуру системы прагматических координат как результат актуализации объёмной номенклатуры разноуровневых маркеров (лексических, морфологических и синтаксических), эксплицирующих различные нюансы представления отправителем отношения к отображаемым им фрагментам действительности. Этот фактор индизировал переход от анализа стабильного значения к рассмотрению изменяющихся ПККЗ, **перспективный** для современной антропоцентрически ориентированной научной парадигмы.

Доказанная в ходе исследования возможность выявления характерных признаков объективизации субъективной информации на основании анализа показателей актуализации субъектно маркированных референций и восходящих к ним ПККЗ позволяет говорить также о **перспективности** полученных результатов, в частности об особом диагностирующем потенциале разработанного алгоритма лингвопрагматической интерпретации, открывающей новые возможности, с одной стороны, для уточнения и документального подтверждения особенностей содержательно-смыслового пространства отдельного текста (письма или целого массива писем / псевдописем и т.п.), а также широкого лингвокультурного контекста его создания; с другой стороны, для установления уникальных авторских алгоритмов вербального представления субъективной информации. Кроме того, наличие верифицируемых выводов относительно особенностей речевого поведения субъектов-отправителей, их речевых предпочтений в проанализированных эпистолярных и художественных текстах подтверждает продуктивность лингвопрагматической атрибуции.

Вышеизложенное доказывает отображённое в гипотезе заключение о том, что интегративно-сопоставительная концепция анализа прагматически валентных единиц-носителей ПККЗ в целом и разработанные алгоритмы лингвопрагматической интерпретации и атрибуции в частности могут быть использованы для представления основных направлений вербальной объективизации субъективной информации, формирующих уникальный референционально-прагматический код текста, его автора и той лингвокультуры, к которой они относятся.

Основные результаты работы отражены в следующих **публикациях**:

Монографии

1. Мурашова Е.А. Прагматическое значение речевой единицы. Проблемы и перспективы / Монография. – Москва: Перо, 2015. – 292 с. (22,86 п.л.)
2. Мурашова Е.А. Полифония семантического субъекта / Демонова Ю.М., Павленко А.В., Червоний А.М. // Монография. – Таганрог: Изд-во А.Н. Ступина, 2021. – 252 с. (личный вклад 4 п.л. из 15,75 п.л.)

Статьи в научных журналах, входящих в базу данных Web of Science

3. Murashova E.A. The representation of the pragmatically meanings in the short novel of Ivan Sergeyevich Shmelyov „The letter of the young cossack” // Language and culture. Number 4 (28). – Tomsk: TGU, 2014. – Pp. 19-27. – Doi: 0.17223/24109266/4/2. (1,67 п.л.)
4. Murashova Ye.A. Lexical pragmatic markers of temporal positioning // Language and culture. Number 2 (6) 2015. – Tomsk: TGU, 2015. – С. 17-28. – Doi: 0.17223/24109266/63. (1,39 п.л.)
5. Мурашова Е.А. Маркеры аксиологического оценивания в казачьих пословицах и поговорках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. Выпуск 2. Т. 16. – Волгоград: ВолГУ 2017. – С. 127-134. – Doi: 10.15688/jvolsu2.2017.2.13. (1,26 п.л.)
6. Murashova E.A. Semantic meaning and functions of *man* and *on* for denotation of a subject / Demonova Yu.M., Chervoniy A.M. // International conference «The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment». ISMGE 2020. e-ISSN: 2357-1330. – Pp. 179-186. – Doi: 10.15405/epsbs.2020.12.04.22. (личный вклад 0,5 п.л. из 1,18 п.л.)
7. Murashova E.A. Semantic subject in generic statements of German and Russian / Chervoniy A.M. // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EрSBS). Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences (CI RAS). No: 151. – 2021. – Pp. 1129-1137. – Doi: 10.15405/epsbs.2021.05.151/ (личный вклад 0,6 п.л. из 1,26 п.л.)
8. Murashova E.A. Lexico-grammatical peculiarities of expressing indefinite semantic subject in Russian and English / Demonova Yu.M., Chervoniy A.M. // Amazonia Investiga, 10(45), – 2021. – Pp. 302-311. – Doi: 10.34069/AI/2021.45.09.30 (личный вклад 0,6 п.л. из 1,14 п.л.)

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

9. Горло (Мурашова) Е.А. Интровертированное / экстравертированное речевое поведение // Вестник СГУ. Выпуск 53. – Ставрополь: СГУ, 2007. – С. 128-135. (1,16 п.л.)
10. Горло (Мурашова) Е.А. Проблема исследования прагматического значения с позиций лингвистической прагматики // Вестник ЛГУ имени

- А.С. Пушкина. Серия «Филология». Том 1. № 4. – СПб., Пушкин: Издательство ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011. – С. 125-133. (1,06 п.л.)
11. Горло (Мурашова) Е.А. Опыт эмпирического анализа прагматического значения // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. Научный журнал. Выпуск 1. – М.: ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. – С. 14-21. (1,04 п.л.)
12. Горло (Мурашова) Е.А. Эмотивные референции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. №5 (3). – Нижний Новгород: ННГУ, 2012. – С. 20-26. (1,14 п.л.)
13. Горло (Мурашова) Е.А. Регулятивные модальные референции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3. (21). Часть 2. – Тамбов: Грамота, 2013. – С. 61-64. (0,75 п.л.)
14. Горло (Мурашова) Е.А. Контактные референции // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. Научный журнал. Выпуск 1. – М.: ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. – С. 7-12. (1 п.л.)
15. Горло (Мурашова) Е.А. Квестивные референции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6. (24). Часть 1. – Тамбов: Грамота, 2013. – С. 59-62. (0,69 п.л.)
16. Горло (Мурашова) Е.А. К вопросу о лексических прагматических маркерах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7(25). Часть 2. – Тамбов: Грамота, 2013. – С. 75-77. (0,7 п.л.)
17. Горло (Мурашова) Е.А. Лингвопрагматическая интерпретация донской казачьей песни «Друзья, не бойтесь клеветы!» // Вестник Дагестанского государственного университета. Выпуск 3. – Махачкала: ДГУ, 2013. – С. 154-159. URL: <http://www.vestnik.dgu.ru/Stat/v2013-3-31.pdf> (0,89 п.л.)
18. Горло (Мурашова) Е.А. Категориальные свойства прагматического значения // Научный журнал «Язык и культура». Выпуск 3. – Томск: ТГУ, 2013. – С. 24-35. (1,44 п.л.)
19. Мурашова Е.А. Лингвопрагматическая интерпретация казачьей песни «Письмо казака со службы» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 5 (1). – Нижний Новгород: ННГУ, 2013. – С.367-372. (1,09 п.л.)
20. Мурашова Е.А. Лингвопрагматическая интерпретация письма П.Н. Краснова от 24 июля 1918 г. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Филология. Выпуск 4. – Архангельск: САФУ, 2017. – С. 108-115. URL: http://vestnik.narfu.ru/upload/iblock/d2f/108_115.pdf. (0,86 п.л.)
21. Мурашова Е.А. Лексические эмотивы (на материале донских казачьих пословиц и поговорок) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Выпуск 5. – Архангельск: САФУ, 2019. – С. 71-79. URL: http://gum.narfu.ru/upload/iblock/246/71_79.pdf. – Doi: 10.17238/issn2227-6564.2019.5.71 (1,15 п.л.)
22. Мурашова Е.А. Лексические и морфосинтаксические средства выражения семантического субъекта в обобщающих высказываниях немецкого и русского языков / Червоный А.М. // (European Proceedings of Social and Behavioural

- Sciences). Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. №9. – М.: Научные технологии, 2020. – С. 185-188. – Doi: 10.37882/2223-2982.2020.09.35. (личный вклад 0,5 п.л. из 1,07 п.л.)
23. Мурашова Е.А. Импликация субъекта в предложениях с пассивным залогом / Червоний А.М. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки № 9-2 2021 (сентябрь). – М.: Научные технологии, 2021. – С. 121-124. – Doi: 10.37882/2223-2982.2021.09-2.24 (личный вклад 0,8 п.л. из 2,1 п.л.).
24. Мурашова Е.А. Логическая симметрия и языковая асимметрия обобщающе-личных форм выражения субъекта в русском и немецком языках / Червоний А.М. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. № 8. – М.: Научные технологии, 2022. – С. 175-180. – Doi: 10.37882/2223-2982.2022.08.36. (личный вклад 0,6 п.л. из 1,06 п.л.)
25. Мурашова Е.А. Речевые средства коммуникативного контакта в современном русском языке / Поленова Г.Т. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Т. 22, № 6. – Архангельск: САФУ, 2022. – С. 47–55. – Doi: 10.37482/2687-1505-V225 (личный вклад 0,75 п.л. из 1,57 п.л.)

Статьи в других научных журналах и сборниках

26. Горло (Мурашова) Е.А. Актуальность прагмалингвистического исследования письменного текста // Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков. Материалы междунаро. науч. конф. Ч. II. – Таганрог: Изд-во ТГПИ, 2005. – С. 125-129. (0,44 п.л.)
27. Горло (Мурашова) Е.А. Взаимодействие языка и мышления в выборе автором способов представления объективной реальности // Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и школе. Сб. науч. тр. VIII всерос. науч.-практ. конф. – Пенза: РИО ПГСХА, 2006. – С. 38-41. (0,36 п.л.)
28. Горло (Мурашова) Е.А. Стереотипное речевое поведение // Донской юридический институт: личность, речь и юридическая практика. Межвузовский сб. науч. тр. междунаро. науч.-метод. конф. – Ростов-на-Дону: ДЮИ, 2008. – Вып. 11. – С. 46-48. (0,49 п.л.)
29. Горло (Мурашова) Е.А. Рекуррентность как важный принцип построения речевого произведения // Прагмалингвистика и практика речевого общения. Сб. науч. тр. междунаро. науч. конф. – Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. – С. 111-116. (0,63 п.л.)
30. Горло (Мурашова) Е.А., Матвеева Г.Г. Актуальность и перспективы прагмалингвистического научного направления // Метапоэтика. Сб. науч. тр. науч.-метод. семинара «Textus». – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. – Вып. 1. – С. 56-60. (0,5 п.л. из 0,91 п.л.)
31. Горло (Мурашова) Е.А. Стереотипная актуализация категории пространства в художественном тексте // Слово и текст в культурном сознании

эпохи. Сб. науч. тр. всерос. науч.-практ. конф. – Вологда: Изд-во ВГПУ, 2008. – С. 216-221. (0,66 п.л.)

32. Горло (Мурашова) Е.А. Стереотипная актуализация гендерной принадлежности в речи // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания. Материалы всерос. науч. конф. с международ. участием. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – С. 164-168. (0,73 п.л.)

33. Горло (Мурашова) Е.А. Der anthropozentrische Ansatz der Analyse des Textes // Альманах современной науки и образования. – 2008. – Вып. 2 (9): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. – Ч. 1. – С. 74–76. URL: <http://elibrary.ru/download/79646127.pdf>. (0,52 п.л.)

34. Горло (Мурашова) Е.А. Стереотипная актуализация экстралингвистических категорий в речи // Альманах современной науки и образования. – 2008. – Вып. 8 (15): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы: в 2 ч. – Ч. 1. – С. 58-60. URL: <http://elibrary.ru/download/83638284.pdf>. (0,63 п.л.)

35. Горло (Мурашова) Е.А. Значение слова: узуальное, актуальное, прагматическое // Донской юридический институт: личность, речь и юридическая практика. Межвузовский сб. науч. тр. международ. науч.-метод. конф. – Ростов-на-Дону: ДЮИ, 2009. – С. 61-64. (0,52 п.л.)

36. Горло (Мурашова) Е.А. Перлокутивный эксперимент по выявлению прагматического смысла речевого сигнала «счастье» // Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков. Сб. тр. III Международ. науч. конф. – Таганрог: Изд. центр ТГПИ, 2009. – Ч. 1. – С. 225-230. (0,47 п.л.)

37. Горло (Мурашова) Е.А. Прагматическое значение и прагматический смысл // Наука о языке и Человек в науке. Сб. науч. тр. всерос. науч. конф. – Таганрог: Изд. центр ТГПИ, 2010. – Т. 1. – С. 157-163. (0,61 п.л.)

38. Горло (Мурашова) Е.А. Модальная референция как способ актуализации прагматического значения // Модель сетевого обучения межкультурной коммуникации и русскому языку в условиях глобализации. материалы всерос. науч. конф. – М.: РУДН, 2010. URL: http://www.russchoolnet.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5:2010-06-24-08-49-34&catid=1:2010-06-24-08-42-43&Itemid=2; <http://www.russiancosmos.ru/content/view/38/21/>. (0,6 п.л.)

39. Горло (Мурашова) Е.А. Эпистемические оценочные референции // Донской юридический институт: личность, речь и юридическая практика. Межвузовский сб. науч. тр. международ. науч.-метод. конф. – Ростов-на-Дону: ДЮИ, 2011. – Вып. 14. – С. 45-48. (0,49 п.л.)

40. Gorlo (Murashova) J.A. Pragmatisch- und sozialorientierte Analyse der Bedeutungstypen // IVth International Conference on Pragmalinguistics and Speech Practices. Cambridge Scholars Publishing. – Pp. 34–55. URL: <http://www.c-s-p.org/Flyers/IVth-International-Conference-on-Pragmalinguistics-and-Speech-Practices1-4438-3009-7.htm>. (1,79 п.л.)

41. Горло (Мурашова) Е.А. Аксиологические оценочные референции // Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков. Сб. науч.

- тр. IV Международ. науч. конф. – Таганрог: Изд-во ТГПИ им. А. П. Чехова, 2011. – Ч. 1. – С. 152-155. (0,52 п.л.)
42. Горло (Мурашова) Е.А. Дейктическая референция // Донской юридический институт: личность, речь и юридическая практика. Сб. науч. тр. международ. науч.-метод. конф. – Ростов-на-Дону: ДЮИ, 2012. – Вып. 15. – С. 34-39. (0,64 п.л.)
43. Gorlo (Murashova) J.A. Analyse und Interpretation eines authentischen fremdsprachlichen Textes // Сб. науч. тр. международ. науч.-практ. конф. «Молодёжь в постиндустриальном обществе». – Саратов-Дюссельдорф: Изд-во Пресс-лицей, 2013. – С. 185-187. URL: <http://hsjournal.org/wp-content/uploads/2012/11/Gorlo.pdf>. (0,37 п.л.)
44. Muraschowa J.A. Referenz als der Anhaltspunkt einer Bedeutungsklassifikation // Collected Articles of the 3rd International Linguistics conference. Cambridge Scholars Publishing, 2014. – P. 62-77. (0,69 п.л.)
45. Мурашова Е.А. Методы и приёмы лингвистической прагматики в аспекте исследования значений // Язык и речь в синхронии и диахронии. Материалы V международ. науч. конф. – Таганрог: Изд-во ТГПИ им. А.П. Чехова, 2014. Ч II. – С. 101-107. (0,78 п.л.)
46. Murashova E.A. Pragmatische Bedeutung. Historische und moderne Voraussetzungen zur Untersuchung // Language and Speech in Synchrony and Diachrony: Papers from an International Linguistics Conference. Cambridge Scholars Publishing, 2017. – P. 292-307. URL: <http://www.cambridgescholars.com/download/sample/63958>. (1,57 п.л.)
47. Мурашова Е.А. Доминанты лингвопрагматического исследования прагматического значения речевой единицы // Язык и речь в синхронии и диахронии. Материалы международ. науч. конф. – Ростов-на-Дону: ТГПИ им. А.П. Чехова, 2018. – С. 65-67. (0,33 п.л.)
48. Мурашова Е.А. Референциональный статус прагматического маркера «болдырь» // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. Материалы региональной науч. конф. – Ростов-на-Дону, 2019. – С.59-61. (0,36 п.л.)
49. Мурашова Е.А. Прагматический вектор исследования местоимения *jemand* как средства репрезентации субъекта // Материалы V международ. науч. конф. «Романо-германские языки: интеграция методики преподавания и филологии». – Горловка: ГИИЯ, 2020. URL: https://rgy-2020.blogspot.com/p/blog-page_570.html. – С. 235-237. (0,38 п.л.)
50. Мурашова Е.А. Морфосинтаксические категории, задающие вектор определения пассионарности репрезентируемого субъекта (на материале немецкого языка) // Сб. науч. тр. V всерос. науч. конф. «Речь. Речевая деятельность. Текст». – Таганрог: ТИ им. А.П. Чехова, 2020. – С. 194-199. (0,44 п.л.)
51. Murashova E.A. Drei Indikatoren des deiktischen Feldes des Subjektes als Mittel für die linguopragmatische Attribution // Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives. The 5th International symposium proceedings, Premier Publishing s.r.o. – Vienna. 2020. – Pp. 52-56. (0,63 п.л.)

52. Мурашова Е.А. Zum Begriff „Grammatische Kategorie“ // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков в свете современных тенденций: Материалы IV всерос. научно-практич. конф. – Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2021. – С. 36-39 (0,4 п.л.)
53. Мурашова Е.А. Параметры выделения операционной единицы лингвопрагматического анализа // Филология, лингвистика и лингводидактика: вопросы теории и практики. Сб. науч. тр. III международ. науч. конф. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2023. – С. 49-53. (0,48 п.л.)